

902.7(Дар)

Г13

Дагестан: история и культура

С.Ш. Таджиева

АТАЛЫЧЕСТВО
И ПОВРАТЦМСТВО
В ФАЛЕСТАЧЕ
XVIII - нач. XX вв.

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1995

С.Ш. Таджиева

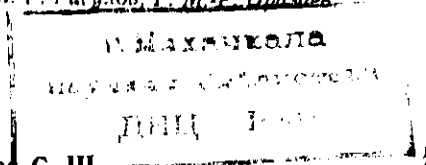

АТАЛЫЧЕСТВО
И ПОВРАТЦМСТВО
В ФАЛЕСТАЧЕ

158302

Редакционная коллегия: А. Р. Шихсаидов, И. Х. Абдуллаев, М. Р. Расулов, Г. М. Р. Оразов.

Гаджиев С. Ш.

Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII-нач. XX вв.) — Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1995 — 152 с.

Книга рассказывает об интересных обычаях и формах искусственного породнения людей, таких, как аталычество, молочное братство, усыновление, побратимство и др., имевших распространение в Дагестане в XVIII — начале XX вв.

ББК 63.5

Г 050500000 — 22

— 5 — 95

М 123 — 95

© Гаджиева С. Ш., 1995

ISBN 5-297-00764-X

ВВЕДЕНИЕ

Традиционному общественному быту народов Кавказа, как известно, посвящены многочисленные исследования историков и этнографов XIX и XX веков. Ряд авторов в своих исследованиях в той или иной мере осветили различные аспекты искусственного родства. Однако формы искусственного породнения в Дагестане (институты усыновления, аталычества, побратимства и др.) изучены намного хуже, чем эти формы у других народов Кавказа.

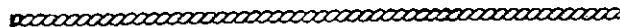
В самом деле, основная масса и обших¹ и более частных² публикаций на эту тему основана почти исключительно на материалах народов северо-западного, западного и центрального Кавказа. Применительно же к Дагестану освещалось главным образом лишь аталычество, да и то только у части народов этого региона — кумыков,³ ногайцев⁴ и ди-дойцев⁵. В то же время тема эта требует более полного изучения, в частности, потому что институты квазиродства играли особую роль в общественном быту народов Дагестана на протяжении различных этапов истории, осо-

бенно в период распада и становления классового общества.

Основной источниковой базой при написании работы послужил полевой этнографический материал, собранный автором в ряде районов республики. К сожалению, ушли из жизни многие знатоки народных традиций, обычного права, исчезли многие обычаи и обряды. И тем не менее данные полевого этнографического изучения, дополненные сведениями, встречающимися в литературе, в архивных источниках, адатах отдельных народов, позволяют реконструировать различные формы искусственного родства, понять их значение в жизни народов Дагестана на разных этапах истории.

Соответственно автор ставит задачей осветить в той или иной мере такие социальные институты, как аталычество, собственно усыновление и побратимство у народов Дагестана в XVIII — начале XX вв., показать роль этих институтов в общественной и семейной жизни.

Автор считает своим долгом выразить благодарность крупному ученому доктору исторических наук Абраму Исаковичу Першину за помощь, оказанную при подготовке этой книги.

Глава I

А ТА Л Ы Ч Е С Т В О

Институт аталычества¹ под разными терминами широко бытовал как на Кавказе, так и далеко за его пределами. Согласно обычаю народов Кавказа, дети вскоре после рождения отдавались на более или менее продолжительное время на вскармливание и воспитание в другие семьи. Получив значительное распространение в предклассовом и раннеклассовом обществе, как считают современные исследователи², этот институт продолжал бытовать на Кавказе в трансформированном виде и в более поздние времена, вплоть до XIX в. включительно. В кавказоведческой литературе он почти всегда известен под названием аталычество³.

М. М. Ковалевский одним из первых обратил внимание на бытовавшие обычаи аталычества у народов Кавказа, связь этого обычая с древним обществом и дальнейшую его трансформацию. Так, он писал о черкесах: «В настоящее время обычай отдавать детей на воспитание в чужие руки продолжает держаться по преимуществу в одних лишь княжеских и дворянских семьях и применяется

почти исключительно к мальчикам, но в старые годы обычай этот был всеобщим»⁴.

Такого рода понимание аталычества было развито учеником М. М. Ковалевского М. О. Косвенем. Он также полагал, что некогда аталычество было свойственно всем слоям населения и возводил его к первобытному авункулату, в частности, к порядку, по которому ребенок должен был переходить на жительство к своему дяде по матери⁵. Несколько позднее В. К. Гарданов пошел еще дальше. Он считал, что если существовала «первобытная общность жен» (Энгельс), то неизбежна была и «первобытная общность детей», одной из модификаций чего и стало аталычество⁶.

Однако уже следующее поколение отечественных ученых отнеслось к такой трактовке аталычества скептически. Ученый-медиевист А. Я. Гуревич говорит только о функциональной стороне аталычества, демонстративно игнорируя генезис этого обычая⁷. Более четко эта новая точка зрения представлена в работах А. И. Першица, Я. С. Смирновой и немецкого этнолога Б. Трайде⁸. Суть ее в том, что говорить с уверенностью можно лишь о связи аталычества с порядками предклассового и раннеклассового общества, что нет никаких сколько-нибудь надежных указаний на его возникновение в более раннее время и что аталычество с самого начала, как правило, было институтом, присущим элитарной среде. Аталычество, воспитание детей в чужих семьях, было призвано связать между собой не кого придется, а наделенных властью и стре-

мящихся усилить ее людей — вождей, а затем феодалов.

Так или иначе, как на это уже неоднократно обращалось внимание, аталычество повсеместно претерпевало социальные превращения, а равно не было лишено конкретно-исторических особенностей. В Дагестане в рассматриваемое нами время аталычество, пережив свой феодальный расцвет, частично бытовало, вероятно, уже в пережиточной форме. По нашим историко-этнографическим данным, у одних народов оно практиковалось только самой верхушкой феодального общества (ханами, беками, князьями, мурзами и т. д.), у других встречалось, хотя и реже, и в среде дворян (узденей первых степеней).

К сожалению, сведения об аталычестве сохранились в Дагестане не везде. Их, например, уже почти нет по даргинцам, если не считать предгорную часть Кайтагского уемийства (сел. Чумли). Не случайно знаток этнографии народов Дагестана Б. Далгат считал, например, в отношении довольно крупного селения Урахи, что здесь «нет аталычества, т. е. обычая отдавать своих детей на воспитание в другую семью»⁹.

Более широко и в более яркой форме собственно аталычество с отдачей детей на воспитание, очевидно, бытовало у кумыков и ногайцев. Именно у них, даже на основе сравнительно поздних этнографических источников, нетрудно реконструировать исторические формы этого явления, выявить его наиболее характерные черты. Возможно, что аталычество в своих различных проявлениях было более специфично в отдаленном прошлом для

быта именно этих тюркоязычных народов Дагестана, для особенностей их феодального развития (вспомним, что сам термин «аталык» тюркского происхождения). В то же время в письменных источниках встречаются сведения об отдаче детей для вскармливания и воспитания в чужие семьи, хотя в менее развитой форме, и в феодальных владениях Аварии, Лакнии, Даргинии и др.

В данной работе мы будем синонимично пользоваться тюркскими терминами «аталык» (применительно к Дербентскому ханству «атабек») и «эмчек», одинаково известными всем народам Дагестана.

Термином «эмчек», «эмджек» (букв. «грудь») в Дагестане (главным образом все же у тюркоязычных народов) обозначали как воспитателя, так и воспитанника: «эмчек ана» (мать по кормлению грудью), «эмчек ата» (отец по кормлению), «эмчек яш» (грудной ребенок или молочный ребенок), «эмчек улан» (грудной сын или молочный сын), «эмчек кыыз» (грудная дочь), «эмчек кьардаш» (брат по груди, или брат по кормлению грудью), «эмчек кыыз кьардаш» (сестра по груди, по кормлению грудью). Для обозначения молочного брата в официальной персписке (в частности, в переписке с русскими XVII — XVIII вв.) чаще использовался термин «эмельдеш» или «имельдеш».

«Эмчек» являлся, таким образом, наиболее распространенным термином для данного вида родства. В языках других народов Дагестана добавлялись только «сын», «дочь» и другие пояснительные слова. При этом «эмчеклер» (грудные) называли друг друга не

только члены семей воспитателя и воспитанника, но и широкий круг родственников с обеих сторон. Иначе говоря, приняв ребенка на воспитание, можно было породниться с его многочисленными родственниками. К термину «эмчеклер» (или «эмчек» в ед. числе) при этом добавлялось еще имя главы семейства или патронимической группы воспитываемых детей (ребенка) в чужой семье: эмчеки князей Темировых, эмчеки князей Хамзаевых, эмчеки князей Каплановых, эмчеки узденей Клычевых и т. п.

Наиболее ранние из известных сведений об аталычестве относятся к первой половине XIII в. и связаны с Дербентским ханством. Как сообщает арабский ученый Ибн Халдун (умер в 1405 г.), около 1227 г. «Джемаал-Эддан, Султан татарский, послал послов к государю Дербента, тогда малолетнему, и к его атабеку (опекуну) Аль-Асаду. Атабек явился к султану, который наградил его халатом и дал ему владения, так же как царю, его питомцу, с условием, что они отдадут ему Дербент»¹⁰.

Звание «атабек» у сельджуков-огузов в Малой Азии академик В. А. Гордлевский разъясняет следующим образом: «Атабек» — воспитатель царевича, опекун его. Когда питомец возвышался, атабек приобретал большое влияние; это был первый советник, по-веренное лицо султана, потому что это был прежде всего названный отец (ата)»¹¹. Академик В. В. Бартольд, характеризуя этот обычай в государстве Тимура, писал:

«Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко двору и окружали

всякими заботами, но тотчас после разрешения у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время, ребенка поручали особому воспитателю (атабеку), и тот обучал его всему, что нужно было будущему государю»¹².

Понятия «атабек» и «аталыкъ» не совсем идентичны, хотя между ними есть много общего. Тем более эти понятия были близкими в период расцвета аталычества, когда сперва младенец передавался кормилице, потом мальчика поручали специально воспитателю (атабеку или аталыку). Кормилица и воспитатель могли быть супруги или посторонние друг другу люди. В отличие от термина «эмчек» термин «аталыкъ», очевидно, имел более широкое распространение у народов как Кавказа¹³, так и Крыма¹⁴, Средней Азии¹⁵ и многих других регионов.

Самые ранние сведения об аталычестве в Дагестане в русских источниках появились в первой половине XVII в. Судя по этим данным, в феодальной среде широко применялись как термины «эмчек», «аталыкъ», так и (особенно в русских документах) «дядька», а для обозначения молочного брата — «имельдеш»¹⁶.

Из имеющихся в нашем распоряжении данных первые по времени упоминания об «аталыке» или «эмчке», «дядьке» относятся к 1625 г. Так, в отписке Терского воеводы князя Ю. Хворостинина в Посольский приказ сообщается о приезде в гор. Тарки с челобитной дядьки уцмня Кайтагского Рустам-

хана по имени Батархан (Бадирхан?)¹⁷.

В 1637 г. от лица сыновей шамхала Ильдара переговоры в Москве вел их дядька Томулдук, бывший поверенным лицом и самого шамхала. В 1640 — 1650 гг. переговоры в Москве вел имельдеш эндерийского владельца Казаналипа Магомед. Примерно к этому времени относится и сообщение об одном из аталыков, который был известен под прозвищем «Седая борода» (Аксакал)¹⁸. В августе 1657 г. в грамоте на имя царя Алексея Федоровича эндерийский владелец Казаналип пишет, что он посылает «государю бити челом имельдыша своего Магомета со товарищи»¹⁹. В отписках воеводы в Посольский приказ в 1614 г. содержится упоминания об аталыках ногайских мурз²⁰.

Чаще упоминания об аталыках встречаются в архивных документах XVIII в. и особенно в письмах кумыкских феодальных владельцев на имя кизлярского коменданта. В этих письмах затрагиваются самые различные вопросы, связанные с эмчеками или дядьками. В частности, шамхал Тарковский, а также буйнакский, эндерийский, аксайский, костекский владельцы просят русского коменданта оказать содействие их эмчекам, едущим «для отыскания беглых холопей», «для приобретения потребных вещей», «для покупки баранов у туркмен», или помочь дядькам, по тем или иным причинам попавшим в затруднительное положение в Кизляре или по пути и т. д.

Через аталыков нередко шла и переписка между дагестанскими владельцами и комен-

дантами Кизляра. Аталыки при ханских дворах, как об этом пишет известный кавказовед Е. Н. Кушева, играли важную роль в торговых и политических отношениях дагестанских владетелей с русским государством²¹.

Вот несколько свидетельств русских авторов об аталычестве в Дагестане. И.-Г. Гербер в начале XVIII в. сообщает: «Когда у цимши родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую из его деревень, которого тамошних жителей жены своими грудями кормят, а когда по всей деревне ряда отошла, то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от груди оставить»²².

Есть сообщение, что шамхал Тарковский Муртузали в 1782 г. послал своего эмчека Очая кизлярскому коменданту с письмом, чтобы тот содействовал благополучному прибытию его человека в Астрахань для получения назначенного для шамхала жалованья «за верную службу России»²³.

Посланный в Аварию в 1828 г. командованием Кавказской линии офицер Хрисанф, описывая прием, оказанный аварской ханшей Пахубике, сообщал, что навстречу ему и его спутникам ханша послала в числе других и «эмчека, т. е. дядьку... хана уздена Алибека»²⁴.

Неизвестный автор первой половины XIX в. в «Записке о сношениях с аварскими ханами с 1800 года по 1838 год» также отмечает, что правнук известного аварского хана Ума-хана — Султан-Ахмед-хан (сын Нуцал-хана) «находится в деревне Малом Джунгуте²⁵, где он воспитывается у тамошнего бека (очевид-

но, речь об уздене Алибеке или по другим данным Алискере. — С. Г.) — под личным надзором Ахмет-хана²⁶, который ему двоюродный дядя»²⁷.

Н. Н. Муравьев-Карский в 1823 году писал о Мехти, старшем сыне шамхала Сулейман-паша: «Меньшие братья его имеют свои уделы... Уделы их состоят в деревнях, в кои они и живут, под присмотром дядек своих; ибо обычай у шамхалов такой, что они ни одного из сыновей своих не воспитывают дома, а отдают их богатому человеку, который содержит их на свой счет, воспитывает как хочет, имея в виду управление удела за малолетняго, и потому воспитание их бывает совершенно пренебрежно, и шамхальский сын наравне с другими мальчиками бегаёт и играет на улице, усвершенствуя дурные или хорошие качества, данные ему от природы»²⁸.

В адатах бежтинцев также отмечается наличие у них аталычества, которое было известно под названием «уджира» (по-арабски как бы передача в аренду). В качестве вознаграждения взявшему на вскармливание семью платила «по 50 коп. в месяц, 6 рублей в год». При этом продуктами питания обеспечивал отец²⁹. Не совсем ясно, является ли это действительно одной из форм аталычества или только отдачей на кормление грудью.

Последними по времени в отношении данной этнической группы являются сведения о своеобразной форме аталычества в нагорном Дагестане А. К. Сержпутовского, совершившего поездку сюда, к лидойцам, в самом начале XX в.

«Аталычество, — отмечает автор, — у ди-

дойцев играет большую роль. До последнего времени дидойцы отдают своих сыновей на воспитание родственникам или кунакам в соседние селения. Обыкновенно отдают мальчиков лет 4 — 5-ти. Перед отправлением на воспитание мальчикам на левой руке в локтевой части делают надпись по-арабски, имя и год рождения. Надписи делают уколами иглы, затем в ранки втирают порошок и красящие вещества. Надпись сохраняется на всю жизнь. На воспитании юноши остаются до возмужалости, т. е. приблизительно до 17-летнего возраста»³⁰.

Как известно, у детей Шамиля тоже были эмчеки. Так, по данным Е. И. Козубского, «молочным братом» дочери Шамиля Нужабат был Омар Мехриев, а сын няньки по имени Ханум из Кумуха был эмчеком Нужабат.³¹

Следует отметить, что письменные сведения чаще всего относятся к кумыкам и прежде всего засулакским. А. М. Буцковский, например, в 1812 г. писал о кумыках: «Они, подобно сим (т. е. другим соседним народам. — С. Г.), сыновей своих отдают с малых лет в чужие руки на воспитание...»³²

Об одном из воспитателей сыновей шамхала Тарковского упоминает и побывавший в Тарках, в гостях у шамхала, французский посол в Тифлисе Гамбо. Он, в частности, свидетельствует, что приемом, устроенным в доме шамхала в честь посла, в отсутствие хозяина руководил его шурин, одновременно аталык сыновей шамхала³³.

В 1846 г. о тех же кумыках М. Б. Лобанов-Ростовский сообщает, что «князя отдавали

сыновей своих с первого детства в дом почетного салаузденя на воспитание; возросши в семье своего наставника, окруженный неуспынным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя. Аталык, так зовется воспитатель, пользовался всегдашним уважением воспитанника, и в случае, когда он делался сиротой, имел участие в управлении его имением и присмотре за его хозяйством. Дети аталыков (эмчеки), товарищи молодого князя, почитались последним наравне с родными братьями»³⁴.

Новые свидетельства о рассматриваемом нами институте у кумыков мы встречаем у известного исследователя истории и культуры кумыкского народа Д.-М. М. Шихалиева, который отмечает, что «изнеженные, избалованные... чересчур подобоострастными поступками, они (молодые князья—С. Г.) с ранних лет приучались не обращать внимание на собственное хозяйство, и относя это на попечение аталыков своих, безотчетно предавались развлечениям праздной жизни»³⁵. Кроме того, Шихалиев пишет, что «аталыки княжеские владеют землями, кутанами, горами» в числе других, «отмеченных какими-нибудь особенными почестями»³⁶.

П. Пржецлавский, служивший в середине XIX в. приставом в Мехтулинском ханстве, также отмечает наличие аталычества у кумыков, называя эмчеков и членов их семей отдельным сословием. «Есть еще, — писал он, — сословие людей, называемых баш-эмчек: это приемные братья и сестры ханов, в семей-

ствах которых ханы были вскормлены»³⁷. Некоторые авторы свидетельствуют о наличии института аталычества и в начале нашего века. Так, например, А. Шемшединов, автор ряда этнографических работ по кумыкам, в 1908 г. констатировал бытование института воспитательства у засулакских кумыков, причем не только в феодальной среде, но и среди других слоев населения. Он, в частности, писал: «У кумыков существует обычай, в силу которого богатые и вообще состоятельные люди (очевидно, автор имел в виду салауэденей. — С. Г.) отдают новорожденных детей для кормления грудью менее состоятельным, а иногда и бедным людям, которые тем самым приобретают по отношению к родным новорожденного права так называемого молочного родства и находят в них для себя в большинстве случаев материальную и нравственную поддержку. Будучи оторвано от груди и придя в 4- или 5-летний возраст, дитя препровождается обратно к родным»³⁸.

А. Шемшединов приводит и легенду, где говорится, что в сел. Бораган одна молодая княжна воспитывалась в семье сельчанина, и, ввиду смерти ее родного отца, аталык сам выдавал свою воспитанницу замуж за молодого черкеса, но во время пышной свадьбы поднялась страшная буря, и невеста исчезла и т. д.³⁹. Это еще раз свидетельствует о фактах пребывания эмчеков в доме аталыка в прошлом.

И, наконец, следует привести высказывание дагестанского этнографа начала XX в. М. Алибекова о нравах кумыков, о воспитании ребенка вдали от отца. «У кумыков, —

пишет он, имея ввиду, очевидно, князей и дворян, строго придерживавшихся норм сословного этикета, — отец, имевший сына или дочь, поступал так: в то время, когда сын или дочь были ребенком, то будь последний на руках няни у отца дома или же передан на молочное воспитание «эмчекам», все равно его не приносили в комнату, где был отец»⁴⁰.

В литературе отражаются обычаи аталычества и у ногайцев. Об аталычестве здесь неоспоримо свидетельствуют эпические произведения, относящиеся к «ногайскому», или, как его нередко именуют, «ногайлинскому» циклу, характеризующему внутреннюю жизнь народа в период Золотой Орды. Многие ногайские мурзы выступали в качестве аталыков детей крымских ханов, т. е. содержали и воспитывали их в своих улусах. Известно, например, что основатель Малой Ногайской Орды под Азовом Казымурза являлся аталыком детей младших царевичей крымских ханов Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах⁴¹.

Отметим, что аталыки в Крымском и Узбекском ханствах, подобно атабекам во многих других феодальных государствах, имели большую власть, принадлежали к числу высших чиновников или сановников⁴². Трудно судить, в какой степени практиковался этот обычай среди различных слоев ногайского населения в ордынский период. Думается, что тогда он имел бытование лишь среди господствующих сословий — султанов, мурз, других представителей высшей администрации, т. е. был ограничен определенными социальными

рамками. Народная память не сохранила никаких воспоминаний о передаче детей на воспитание из среды незнатных семей.

Ногайские султан, мурза, князь, иногда и именитый уздень отдавали на воспитание своих детей. Султан мог передавать детей в семьи своих вассалов — мурз, мурзы же — рядовым и первостепенным узденям, иногда даже в семьи освобожденных крестьян. В основном это были (у оседлых ногайцев) крестьяне, живущие на родовых или пожалованных правительством землях князей и именитых узденей, расположенных поблизости от барского имения. При отборе семьи воспитателя учитывались ее материальная обеспеченность и общественная репутация.

Бывали случаи, хотя и редкие, когда мурза или султан отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов, обычно черкесов. Так, у султана Азамат Гирея Ханова (конец XIX-начало XX в.) аталыками являлись черкесы Дышековы из Докшуканского аула. Но чаще ногайцы сами брали на воспитание детей из господствующего сословия других народностей, особенно черкесов и кумыков. «Многие знатные фамилии закубанских племен, — писал в середине XIX в. наблюдатель быта ногайцев, — отдают ногайцам на воспитание своих детей»⁴³.

И в начале XX в., как видно из нашего полевого материала, аталыками княжеских и салаузенских детей кумыков Терско-Сулакской низменности нередко являлись соседние ногайцы.⁴⁴ Так, например, в 1863 г. при судебном разбирательстве земельных споров между князьями Эльдаровыми и Каплано-

выми на стороне князей Эльдаровых в числе 15 человек тусевов (свидетелей) присягал и их аталык (эмчек) ногаец⁴⁵.

«Брать на воспитание детей княжеских, — отмечается в архивных материалах о Засулакской Кумыкии, — считалось для воспитателя (аталыка) особенной честью: дети воспитателя делались воспитаннику эмчеками (молочными братьями), что также считалось особенной честью, и молочное родство уважалось и соблюдалось с обеих сторон»⁴⁶. Родство между молочными братьями, по словам Ф. И. Леонтовича, считалось «священное природное»⁴⁷.

Наш полевой этнографический материал, собранный почти во всех районах Дагестана, содержит сведения о бытовании (в пережиточной форме) аталычества в его разных проявлениях в основном лишь в конце XIX и начале XX в., преимущественно в феодальной среде, а также среди дворян (сала- или уллу-узденей). В отдельных случаях эти полевые сведения касаются и более раннего периода. Так, например, сохранилось предание о том, что известный родоначальник князей засулакских кумыков XVI в. Султан-Мут (он же Султан-Махмуд) был отдан отцом шамхалом Тарковским Андием на воспитание салауавскому аварцу по имени Бега из сел. Бере-Тогай, в семье которого он жил до 10 — 15-летнего возраста⁴⁸.

Сообщаемые нашими информаторами сведения основывались частью на фактах и событиях, очевидцами и участниками которых они были, частью на семейных преданиях, рассказах родственников старшего поколения.

Кроме того, населенные пункты, жителями которых были многие наши информаторы (см. ниже приложение) в своем большинстве были резиденциями феодальных владельцев или уделами отдельных членов княжеских, бекских фамилий, где были созданы характерные для феодализма аппараты управления и функционировали институты феодального общества, о которых народная память сохранила много сведений. Как мы отмечали выше, с каждым годом полевого материал об институте аталычества собирать становится все трудней, т. к. редут ряды информаторов старшего поколения. Однако значение полевых материалов трудно переоценить.

Князь, хан, бек отдавали своих детей в семью сала- или просто узденя, а сала- в семью рядового узденя и нередко (особенно в пореформенный период) даже бывшего чагара или кула. Что же касается чагаров, то они не могли «избирать аталыками узденей»⁴⁹. Очевидно, не практиковалось и не предусматривалось адатами воспитание детей князей в княжеской же семье без особой на то причины — смерти родителей, серьезной опасности для семьи князя и т. д.

Принимая сына (дочь) бия или дворянина, рядовой общинник обычно посылал своего ребенка грудного возраста в семью другого общинника, чаще в горы. Бывали случаи, когда женщина кормила и своего, и чужого ребенка, причем правую грудь всегда, по адату, давала эмчеку.

Какие же цели преследовала феодальная знать, передавая на воспитание детей в чужие семьи? Достаточно хорошо это выразил тот

же Гербер применительно к концу XVII — началу XVIII в., отметив, что узмий Кайтагский «обычность имеет, чтобы своих подданных к обязанности к себе содержать» и что приняв на кормление грудью детей владельцев особ, «... обитатели тех деревень обязанными считаются свой живот и тело для их терять, ибо они себя с ними в свойстве считают, понеже одну грудь с ними сошали»⁵⁰.

Более развернутое обоснование причин бытования аталычества в начале XIX в. у кумыков предпринимает А. М. Буцковский. «Сей общий ко всему Кавказу обычай отдавать сыновей в чужие руки и иногда к отдаленнейшим народам, — пишет он, — основан на весьма важной для них политике: воспитатель, поступая сим почти в родстве воспитанника, коим именуется отцом, и таким образом распространяются взаимные связи; ибо как народы сии, так и частные люди, будучи в беспрестанных междуособиях, часто имеют нужду в помощи и отдельных соседей своих»⁵¹.

Указывая на причины возникновения обычая искусственного породнения, в том числе и аталычества, в предклассовом и раннеклассовом обществе, исследователи отмечают, что искусственное родство служило одной из форм, «с помощью которой в разлапавшемся первобытном обществе стали восполнять уже недостаточные кровнородственные связи и устанавливать тесные отношения между желавшими породниться семьями»⁵², когда «предгосударственная или государственная защита личности оставалась недостаточной, почему и возникла необходимость в установлении от-

ношений искусственного родства»⁵³. Последнее обстоятельство отмечал еще Ф. И. Леонтович⁵⁴. Иными словами, делалась попытка дополнить кровнородственные и иные связи искусственным породнением. Пожалуй, трудно с этим не согласиться. Однако при таком объяснении, как нам кажется, упускается из виду один объективный фактор. К аталычеству и другим формам искусственного родства в феодальные времена прибегали не только малозащищенные, но и люди, наделенные высокой властью на своей земле: ханы, беки, нуцалы и др. Таким образом правители расширяли свою социальную опору и влияние среди узденской верхушки, что приобретало особое значение в условиях феодальных междоусобиц и раздробленности региона.

В своем рапорте от 6 октября 1860 г. на имя графа Евдокимова комитет на разбор земельных вопросов в бывшем Кумыкском округе Терской области отмечает, как постепенно князья захватывали общинные земли «с помощью родственников, своих аталыков, эмчеков и узденей, привлеченных подарками, злоупотребляя силою...»⁵⁵.

Известный нам по письменным источникам и полевым этнографическим материалам социальный институт аталычества в начале XIX в. бытовал в нескольких формах. Наиболее распространенной в XIX в. (очевидно, еще шире в более ранний период) была классическая форма, при которой ребенка передавали в другой дом, в другую семью, где он и воспитывался в течение определенного периода.

Представляет интерес и сам механизм

передачи ребенка на воспитание. Еще до рождения ребенка семья феодала выбирала человека (или несколько лиц), которому она намеревалась доверить воспитание сына или дочери. Среди окружения князя, хана, бека или салаузденя, в свою очередь, имелись лица, которые стремились занять место воспитателя, стать наставником. Чем знатнее был феодальный владетель, тем больше находилось охотников на эту роль. На этой почве возникали соперничество и ссоры. «Часто случается, — писал в 1846 г. Н. Данилевский, обратив внимание на эту сторону аталычества у северокавказских народов, — что младенец находится еще в утробе матери, а множество желающих быть его воспитателями оспаривают друг у друга таковое лестное право»⁵⁶. Недаром знатный уцмийский дом имел аталыков в разных деревнях, уделах своего владения — узденских и раятских. Так, дети Джамава Уцмиева Кайтагского (середина XIX в.) воспитывались: в селениях Чумли (Айханум-бийке), Янгикенте (Амир-Чопан, Мехти, Гебек), Башлы (Амир-Чопан после Янгикента, Кыстаман-бийке), а также в Туменлере.

Нередко Тарковский шамхал, Кайтагский уцмий, Аварский хан и другие крупные феодальные правители сами навязывали своим вассалам функции воспитателя их детей, рассматривая эту службу как одну из обязанностей вассалов. Перед тем как выбрать воспитателя, владетельные особы совещались со своими приближенными, нукерами, старейшинами села, взвешивали все «за» и «против». Большое внимание при выборе аталыка

придавалось не только его личным качествам, но и материальному положению его семьи, авторитету тухума.

Согласно преданию, однажды по случаю рождения сына и передачи его аталыку знатнейший феодал шамхал Тарковский собрал на торжество приближенных двору людей из разных владений. В числе приглашенных оказался салауздень из Костека. Последний явился на той (торжество) с большим опозданием, когда церемония передачи завершилась и люди расходились по домам. На вопрос шамхала, почему его друг опоздал, тот ответил: когда я переходил реку Койсу вброд, моя лошадь села и долго не вставала. — Как? Ведь лошадь даже ночью не садится! — воскликнул удивленный хозяин. Гость ответил: — Да, верно, но моя лошадь, будучи еще маленьким жеребенком, сосала вымя буйволицы, поэтому иногда садится. Это был тонкий намек на то, что аталык может оказаться недостойным⁵⁷. Особое внимание обращалось на физическое здоровье членов семьи аталыка и особенно кормилицы. Как свидетельствует ряд информаторов, кормилица отдавала свое грудное молоко в семью ребенка, где оно проверялось на густоту и жирность. На вопрос, передавались ли на воспитание в дом аталыка девочки или это было уделом исключительно мальчиков, все информаторы ответили, что чаще отдавали мальчиков, реже девочек. Для подтверждения свидетельства такого рода они (княгини Алибекова С., Уцмиева Р., Хамзаева Р. и др.) приводили факты из жизни своих семей или семей других сельчан, называя поименно как женщин, про-

ходивших через этот институт, так и их аталыков. Примечательно, что часть наших информаторов из княжеских родов (Алибекова С., Уцмиева Р., Капланова Р., Девлетукаева У. и некоторые другие) так же пользовались услугами аталыков.

Чем больше было детей в феодальной семье, тем больше было у нее аталыков. Как вспоминает княгиня Реведе Забитовна Хамзаева (1911 г. р., из Костека), у них в семье было четверо мальчиков и одна девочка (сама Реведе была младшей из детей). «У всех детей, — говорит Хамзаева, — были свои аталыки, эмчеки из уважаемых тухумов; у старшего брата Абдулхалика и среднего брата Исламгерее была одна кормилица—Сакив... у Адильхана — Хадижат, у меня — Патай. Старшие дети воспитывались в домах своих аталыков до 3 — 4 лет, остальные жили в нашем доме и родители держали для них специально кормилиц, а им в помощь еще помощниц—дигизе; одни эмчеки были вдовы с грудными детьми, другие—замужние. Наши эмчеки все были из хороших, уважаемых тухумов, причем из разных аулов. Моя кормилица (я ее называла Патайым) была из Темираула и жила в нашем доме. Так как у нее было мало молока, меня еще подкармливали коровьим молоком. Для этого отец выделил породистую красную корову — «кызыл сыйыр». Потом, как я видела, по разным случаям жизни все наши эмчеки собирались у нас. Их было много, у каждого воспитанника свои эмчеки и их родственники. Мы ими гордились. Их потомство сохранилось и сейчас, и мы друг друга не забываем, когда надо

навешаем»⁵⁸. Иногда, как и у черкесов⁵⁹, некоторые владетели, чтобы не обидеть своих приверженцев, отдавали ребенка на воспитание сперва одному аталыку, потом другому и даже третьему, чем увеличивали свое влияние на подвластных, расширяли круг своих сторонников.

На воспитание отдавали чаще в семье, проживающие как в том же селении, так и в других селениях в пределах близкого и отдаленного владений, т. е. в семье, жившие временно или постоянно в одном из населенных пунктов, подвластных, а иногда и неподвластных князьям. В прошлом аталыками княжеских детей у засулакских кумыков выступали и салатавские аварцы, чеченцы, ногайцы и даже далекие андийцы. В связи с этим определенный интерес представляет предание об аталыках кумыкских князей. В нем говорится, что в селении Андрейаул когда-то жил князь по имени Айдемир. Его называли Уллу Айдемир. Очевидно, он был старшим среди Эндиреевских князей Айдемировых. Сестра его была замужем за князем Хасаем Муртузали Аджиевым. На почве земельных споров и междоусобиц Айдемир убил зятя и его двух сыновей. Кормилица-эмчек положила третьего сына в корзину и, покрыв сверху шерстью, рано утром отправилась пешком в свое родное андийское общество, где и воспитала ребенка до его совершеннолетия.

Передача на воспитание происходила в разных формах, в одних случаях — сразу с появлением младенца на свет, в других — через некоторое время.

Согласно феодальному этикету, княгиня (бийке) вообще не должна была кормить своего ребенка грудью — факты отклонения от этой нормы рассматривались как падение сословных нравов. «Эзивюн сют этип, этегин нас этип айланмас хас бийке» (Истинная бийке не должна допускать, чтобы грудной вырез ее платья и подол были запачканы молоком) — гласила мораль. В отдаленном прошлом факты такого нарушения, очевидно, исключались. Как уже было отмечено выше, в государстве Тимура был порядок, согласно которому всех ханских детей тут же с появлением на свет отнимали от матерей, и кормление, как и вся забота о них, поручались «назначенным для этого лицам»⁶⁰.

Тем не менее были случаи, когда мать кормила младенца в течение одного дня, одной недели, а то и 40 дней (как говорили кумыки «кзыркзы чыкыгынча»), и даже 2-х месяцев⁶¹.

Судя по сведениям наших информаторов, ребенок переходил в дом эмчека часто через несколько дней. По общепринятому обычаю, еще накануне родов в дом бия, хана, салауденя приводили будущую кормилицу — жену избранного аталыка.

Кормилица — «эмчек ана» могла или остаться в этом доме несколько дней, или забрать ребенка сразу к себе домой. Как отмечалось выше, она обязательно должна была быть кормящей матерью. При этом своего ребенка она либо отдавала на сторону (чаще в другое общество), либо переводила на кашу, супы, коровье молоко (если ребенок был старше года), либо кормила сама, одно-

временно со взятым на кормление чужим ребенком.

Передача младенца в дом аталыка сопровождалась специальным церемониалом. Чаще всего, особенно, если передавали мальчика, семья устраивала торжество с богатым угощением, с приглашением широкого круга людей из влиятельных фамилий и родственников. Приглашались также воспитатели и их близкие родственники. «В день передачи новорожденного или новорожденной аталыку, — говорится в собранных в 1847 г. сведениях об адатах горцев Северного Кавказа, — отец делает пир, на который собирает всех своих родственников и кунаков»⁶². Этот порядок неизбежно соблюдался и у народов Дагестана. Если будущие аталыки жили в другом ауле, все приданое ребенка, его люльку с покрывалом, вышитым золотом или серебром, шелком, бархатом, подарки семье аталыка складывали в арбу, к которой привязывали дойную буйволицу или корову. Аталык и сопровождающие его люди ехали на конях, кормилица с ребенком — на арбе. Старший в семье — дед, дядя и др. (кроме родного отца ребенка) брал нарядно убранного младенца на руки и передавал в руки аталыка, высказывая при этом пожелания. Нередко акт передачи закреплялся чтением суры из Корана — «Алгьям». Все присутствующие хором произносили «аминь». Провожали ребенка и аталыка за пределы аула, несколько нукеров сопровождали поезд до дома аталыка. Если аталык жил в том же ауле, то церемониал был попроще. Люльку и ребенка несли торжественно, как бы демонстрируя богатое при-

даное младенца и подарки семье аталыка, в этом случае сопровождали процессию только женщины и шли все пешком.

Во избежание привязанности частые встречи, тесные контакты ребенка с родителями, точно так же как посещения родителей дома аталыка, не полагались. Такие посещения рассматривались как факты недоверия в отношениях сторон. Только жена аталыка изредка и на короткое время водила или возила ребенка для встречи с родителями. Когда воспитаннику исполнялось 7 — 8 лет, его возил в дом отца сам аталык. В доме отца старались внешне не проявлять особого внимания к ребенку, «чтобы он не привык к дому». Аталыку же, напротив, оказывали подчеркнутое гостеприимство. «Я так была привязана к семье аталыка, что не хотела оставаться долго в родном доме, если даже там готовился плов или другое изысканное для того времени кушание», — вспоминала княгиня-бийке Алибекова Саадат, воспитавшаяся в ногайской семье⁶³.

Надо полагать, что чем традиционнее был образ жизни семьи ребенка и его аталыка, тем сдержанней и реже были эти встречи. «...Соблюдается правило, — писал Н. Данилевский об аталычестве на Северном Кавказе, — что пока не кончится воспитание отдаваемого ребенка, родной отец редко видится с сыном или дочерью и даже стыдится ласкать их или говорить с ними при свидетелях»⁶⁴. Вообще, как справедливо подмечает Кон И. С., такой характер взаимоотношений между родителями и детьми, без «повседневного интимного контакта», регулировался «не

столько индивидуальными чувствами, сколько социальными нормами, сознанием долга, родственных обязанностей и правил этикета» (СЭ, 1987, № 6, с. 28).

Аталык и его жена обычно возили в дом родителей своего воспитанника лакомства (халву разных сортов, фрукты, овечий сыр), тканые или вышитые изделия — кисеты, носки и др., а получали в ответ платья для кормилицы или ее дочерей, отрезки на бешметы сыновьям или самому аталыку и т. д.

Бывали случаи, когда при несоблюдении норм воспитания ребенка или фактах, порочащих семью аталыка, ребенка передавали на воспитание другому. Одним из серьезных нарушений союза сторон считалась беременность кормилицы, особенно, если ребенок был еще мал или слаб, а по традиции полагалось кормить грудью до 3 лет. Поэтому еще в начале союза аталыку вменялось в обязанность соблюдать этот запрет.

Материальное обеспечение семьи аталыка в период пребывания там ребенка зависело от конкретной ситуации. Если князь, бек, хан отдавали ребенка в дом состоятельного салаузденя, снабжение последних продуктами питания, одеждой не практиковалось. Это оскорбляло бы достоинство именитого узденя. Вознаграждение за труд, как увидим дальше, осуществлялось после истечения срока воспитания и возвращения воспитанника в родительский дом. Если же материальный уровень семьи аталыка — салаузденя был недостаточно высоким, феодал обеспечивал ее всем необходимым. Но делалось это с большим тактом, дабы не обидеть аталыка и не

подорвать его общественного престижа. Что касается семей рядовых узденей (иногда чагаров, состоятельных крестьян, выступавших в роли аталыков детей знатных людей в последний период бытования этого обычая), материальная помощь им оказывалась открыто и с целью подчеркнуть благодеяния феодала. В этом случае выделялся молочный скот (корова или буйволица), зерно для помола или готовая мука, посылались определенное число голов скота (крупного или мелкорогатого) для вяления мяса на зиму, а также необходимая одежда не только для ребенка, но и для членов семьи аталыка. Иными словами, характер материальных взаимоотношений двух семей, связанных аталычеством, определялся их социально-экономическим положением. В XIX в. ребенок бия до конца срока воспитания мог находиться в одной семье, но мог переходить по достижении определенного этапа своего взросления в другую семью, в соответствии с социальными целями и самой системой воспитания. Известны факты, когда представители феодальной знати (шамхал, уцмий, ханы, беки, князь, салауздени), желая расширить круг преданных им семей и тухумов, особенно состоятельных, сперва поручали воспитание ребенка одному аталыку, затем другому и третьему. Определенное распространение имела форма, согласно которой ребенка отдавали на несколько дней в одну семью, затем на несколько дней в другую и т. д. По всей вероятности, именно этот обычай имел в виду И.-Г. Гербер, когда писал, что уцмий Кайтагский посылал своего новорожденного в раз-

ные семьи и разные деревни для вскармливания грудью⁶⁵.

Нередко феодалы нарочно раздували борьбу и соперничество между желающими стать аталыками их детей. Ссылаясь на желания многих и стремясь якобы «не обидеть никого из них», они меняли аталыков по собственному усмотрению, сохраняя дружбу с каждым из них и их тухумами. В феодальном доме (он чаще назывался кьапу, букв. ворота) старались придерживаться самого строгого этикета. Образом жизни высшей феодальной знати подражали салауздени и другие сословия. Последние, как бы соревнуясь с первыми, старались также передать «своих» детей аталыкам, проявив щедрость в обмене подарками и организации торжественного церемониала.

В XIX-начале XX в., кроме общеизвестного термина «эмчек» («грудь») или «аталык», означающего в целом институт аталычества, встречаются такие более дифференцированные понятия, как «баи эмчек» («главный эмчек»), «сют эмчек» («молочный эмчек») и «аш эмчек» («хлебный эмчек»), что свидетельствует не только о дальнейшей дифференциации понятия, но и усложнении структуры самого института.

Термин «сют эмчек» явно означал пребывание ребенка в доме одного аталыка в течение всего грудного возраста. Это могло длиться до 3 — 4-х лет, ибо по адату грудной возраст ребенка считался до 3-х лет. По истечении этого периода ребенка могли оставить у того же аталыка для дальнейшего воспитания, а могли передать другому, кото-

рый был обязан не только ухаживать и кормить, но и воспитывать ребенка. Такая форма называлась «аш эмчек». Срок пребывания во втором доме мог продлиться до совершеннолетия воспитуемого. Однако нередко и из второй семьи князь или именитый уздени передавали своего ребенка в третью, чаще из-за желания еще более расширить рамки искусственного родства, укрепить связи с влиятельными семьями и тухумами.

В этой связи заслуживает внимания приведенное выше свидетельство И.-Г. Гербера, относящееся к началу XVIII в., о том, что уцмий Кайтагский посылал новорожденного ребенка в разные подвластные ему деревни, «которого тамошних жителей жены грудью своими кормят»⁶⁶. Правда, автор здесь говорит о кормлении детей (мальчиков) уцмий всеми женщинами, у кого были грудные дети, причем во всех деревнях. Возможно, Гербер зафиксировал первый период воспитания детей в чужой семье и сравнительно более древнюю традицию, когда нормы аталычества требовали кормления грудью детей владельцев особ более широким кругом семей. Со времени пребывания Гербера, участника персидского похода Петра I, институт аталычества мог значительно трансформироваться, в частности, сузиться круг семей, бравших ребенка на воспитание. Особый интерес представляет свидетельство того же Гербера о том, что ребенка посылали не только в разные семьи, но и в разные деревни, причину чего сам автор довольно четко определил, как желание владельца, «чтобы своих подданных к обязанности к себе содержать».⁶⁷ Эта тради-

ные семьи и разные деревни для вскармливания грудью⁶⁷.

Нередко феодалы нарочно раздували борьбу и соперничество между желающими стать аталыками их детей. Ссылаясь на желания многих и стремясь якобы «не обидеть никого из них», они меняли аталыков по собственному усмотрению, сохраняя дружбу с каждым из них и их тухумами. В феодальном доме (он чаще назывался кьапу, букв. ворота) старались придерживаться самого строгого этикета. Образы жизни высшей феодальной знати подражали салаузден и другие сословия. Последние, как бы соревнуясь с первыми, старались также передать своих детей аталыкам, проявив щедрость в обмене подарками и организации торжественного церемониала.

В XIX-начале XX в., кроме общезвестного термина «эмчек» («грудь») или «аталык», означающего в целом институт аталычества, встречаются такие более дифференцированные понятия, как «баи эмчек» («главный эмчек»), «сют эмчек» («молочный эмчек») и «аш эмчек» («хлебный эмчек»), что свидетельствует не только о дальнейшей дифференциации понятия, но и усложнении структуры самого института.

Термин «сют эмчек» явно означал пребывание ребенка в доме одного аталыка в течение всего грудного возраста. Это могло длиться до 3 — 4-х лет, ибо по адату грудной возраст ребенка считался до 3-х лет. По истечении этого периода ребенка могли оставить у того же аталыка для дальнейшего воспитания, а могли передать другому, кото-

рый был обязан не только ухаживать и кормить, но и воспитывать ребенка. Такая форма называлась «аш эмчек». Срок пребывания во втором доме мог продлиться до совершеннолетия воспитуемого. Однако нередко и из второй семьи князь или именитый уздень передавали своего ребенка в третью, чаще из-за желания еще более расширить рамки искусственного родства, укрепить связи с влиятельными семьями и тухумами.

В этой связи заслуживает внимания приведенное выше свидетельство И.-Г. Гербера, относящееся к началу XVIII в., о том, что уздий Кайтагский посылал новорожденного ребенка в разные подвластные ему деревни, «которого тамошних жителей жены грудью своими кормят»⁶⁶. Правда, автор здесь говорит о кормлении детей (мальчиков) уздия всеми женщинами, у кого были грудные дети, причем во всех деревнях. Возможно, Гербер зафиксировал первый период воспитания детей в чужой семье и сравнительно более древнюю традицию, когда нормы аталычества требовали кормления грудью детей владельцев особ более широким кругом семей. Со времени пребывания Гербера, участника персидского похода Петра I, институт аталычества мог значительно трансформироваться, в частности, сузиться круг семей, бравших ребенка на воспитание. Особый интерес представляет свидетельство того же Гербера о том, что ребенка посылали не только в разные семьи, но и в разные деревни, причину чего сам автор довольно четко определил, как желание владельца, «чтобы своих подданных к обязанности к себе содержать».⁶⁷ Эта тради-

ция сохранилась и в XIX в. Известно, например, что Амир-Чопан Джамавович Уцмиев, впоследствии генерал-майор царской армии, внук лишенного А. П. Ермоловым титула уздены Кайтагского Адил-хана, воспитывался до 13—14 лет в двух селениях Кайтаго-Табасаранского округа у двух аталыков — сперва в сел. Янгикент у Гасана до 7—8 лет (устная традиция передает, что его жена Силав кормила одновременно и Амир-Чопана, и своего сына Мутая в течение трех лет — первого правой грудью — «онг эмчек», а второго — левой), а затем до 15 лет в сел. Башлы (сов. Башлыкент) у именитого узденя Гаджи-Агая из большого влиятельного тухума⁶⁸. Что же касается термина «баш эмчек», то он очень сложен для адекватного объяснения и, очевидно, имел различный смысл не только в разные периоды истории развития и трансформации этого института, но и в разных районах бытования этого обычая. Так или иначе дети феодалов и дворян воспитывались в чужой семье, чаще до 8—10 лет, несколько реже до совершеннолетия, причем некоторые воспитывались только в одной семье, другие — в нескольких семьях. Но главной формой все же был «сют эмчек». Недаром, когда воспитанник вопреки всему держался стороны дома такого аталыка, говорили «сют тарта» (букв. «молоко гянет», т. е. дает о себе знать).

В этой связи особый научный интерес представляет анализ термина «баш эмчек».

Сравнительное изучение письменных и полевых этнографических источников позволяет заключить, что в XIX в. термин «баш эмчек» применяется в нескольких значениях.

Во-первых, «баш эмчком» называли лицо, которое было аталыком старшего сына (дочери) феодала, аталыков же остальных детей именовали просто эмчеками.

Во-вторых, «баш эмчком» мог называться тот аталык, у которого дольше всего воспитывался господский ребенок, тот, который играл самую важную роль в формировании его личности.

В-третьих, «баш эмчком» нередко называли человека, который выступал в качестве воспитателя дочерей феодалов перед выходом их замуж и возлагал на себя все обязанности по подготовке одежды, приданого для невесты и подарков для дома жениха. Этот обычай отдачи в «баш эмчек» взрослых дочерей практиковался преимущественно в уздненстве Кайтагском и шамхальстве Тарковском. Как мы отмечали выше, служивший в 50-х гг. XIX в. приставом в Мехтулинском ханстве П. Пржецлавский писал, что в баш эмчек «избираются самые зажиточные и первенствующие между узденями семейства. За честь этого избрания они считают себя обязанными ежегодно делать для ханов бал (той), справлять за свой счет угощение ханским гостям, устраивать свадьбы и даже похороны, за что ханы с избытком одаривают их»⁶⁹. Надо сказать, что баш эмчехов взрослых дочерей чаще определяли сами владельцы из среды особо влиятельных узденских тухумов. Иногда именитые уздени, чтобы быть ближе к феодалам, сами просились на эти роли. По свидетельству наших информаторов, Амир-Чопан Уцмиев в 70-х гг. XIX в. сам обратился с просьбой взять на себя эту роль к двум именитым

узденям из сел. Башлы—Михрабу Мирзабекову и Муслиму Кахриманову — перед выдачей замуж своей сестры Кистаман-бийке и племянницы Набат-бийке (дочь брата Гебека). Первую выдал замуж, взяв на себя все расходы по приобретению приданого, а также подарков для семьи жениха Муслим, а вторую — Михраб. Покойная внучка Михраба Кумсиат Баташева вспомнила некоторые детали и подробности этого события. По ее сведениям, Михраб справил Набат 5 пар парадной одежды из дорогих тканей и пять платков. Одежда вышивалась лучшими золотошвейками Дербента. В Дербенте же ей купили все приданое, а также и подарки для дома будущего мужа. Кисеты, сумки, тканые пояса из шелка были вышиты золотом теми же мастерицами. У кубачинских мастеров были заказаны серебряные пряжки, покрытые разноцветной эмалью, из слоновой кости с золотой насечкой. Там же были заказаны серебряные пояса тонкой филигранной работы, покрытые позолотой и украшенные бирюзой и рубинами.

По установившейся традиции, баш эмчеку из дома жениха посылали в подарок лучшего коня — «баш ат» — с дорогой сбруей. Если конь по какой-либо причине не нравился аталыку, он по адату имел право выбрать любого из тех, на которых приезжали за княжной посланцы дома жениха. Вместе с конем баш эмчек получал и 30 туманов (300 руб. серебром).

Далеко не всегда девушек выдавали замуж с помощью баш эмчека. Бывало, что воспитанницы требовали, чтобы их выдали

замуж те аталыки, которые их фактически воспитали с раннего детства, и эти требования удовлетворялись. Многие аталыки сами возражали против оказания предпочтения баш эмчекам и сами выдавали своих воспитанниц замуж, выбирая им соответствующих их положению женихов. «По желанию аталыка я вышла замуж из его дома, дома вырастившего и воспитавшего меня эмчека Темирболата, ногайца по происхождению. Он же выбрал для меня подходящего жениха, — вспоминает бывшая княгиня Саадат Хамзаева-Алибекова. — Было четыре-пять претендентов на мою руку, одобренных отцом. Но они были отклонены аталыком. После его одобрения одного из претендентов, он выдал меня за него. Отец не возражал, не мог не посчитаться с ним. Половину моего приданого справил мой аталык Темирболат». Так или иначе эмчеку, главному или рядовому, дарили коня, лучшего коня — «инглис ат» (английскую лошадь) или «къаварти ат» (кабардинскую лошадь). Когда княжне посылали свадебный наряд из дома жениха, одновременно посылали и коня для сына аталыка. Говорят, что дочь одного из аталыков этому посвятила свадебную песню:

Алсарасан явулуп,

Амалыма ат геле.

(Букв.: Брату моему идет лошадь,
Покрытая парчовой попоной)⁷⁹.

Знатные женихи украшали лошадь не только богатой попоной, но и золотой цепочкой⁷⁹. «Баш ат» (главная лошадь) считалась

важнейшим элементом калыма жениха. Надо полагать, что в прошлом у кумыков в состав калыма входили и другие лошади. На это, в частности, указывает само название «баш ат», а также сравнительный материал по ногайским обычаям.

В целом сравнительное изучение письменных и полевых этнографических данных позволяет нам предположить, что регион распространения термина «аш эмчек» ограничивается преимущественно территорией Терско-Сулакской низменности, где этот термин чаще применялся к аталыку, который воспитывал княжеского сына (дочь) после грудного возраста до совершеннолетия. Что касается термина «баш эмчек», то в основном своем значении (знатный уздень, опекун княжны, устраивающий ее замужество) он более был известен в ханстве Мехтулинском, шамхальстве Тарковском, в уцмийстве Кайтагском, во владении Буйнакском, в майсумстве Табасаранском и др. Однако это не означает, что термин «баш эмчек» в других владениях вообще не употреблялся. Если у одного юноши (девушки) было несколько аталыков, этот термин применялся по отношению к первому эмчеку. Более того, по сведениям некоторых информаторов, баш эмчеком, как было сказано выше, называли то лицо, которое воспитало первого старшего ребенка из этого дома. Когда аталык воспитывал своих питомцев несколько лет, он нередко приглашал их снова в свой дом для организации свадебного торжества. Та же Саадат Хамзаева-Алибекова, восстанавливая слышанный в семье рассказ, говорит: «Мой дед по матери Салим-

Солтан Капланов, как я слышала, воспитывался также у ногойцев в ауле Мужукай⁷² до совершеннолетия. Когда ему исполнилось 15 лет и настало время жениться, аталык будто бы заявил нашему прадеду: «Салим-Солтана я вырастил и я буду его женить». Получив согласие отца, аталык засватал ему княжну из Барагана (кумыкско-чеченский аул в Чечено-Ингушетии) из семьи Таймазовых. Девушку сперва привезли в Мужукай, в дом аталыка, а родня, кто на лошадях (мужчины), кто на арбах (женщины), из сел. Аксай приехала туда на свадьбу. Почти все расходы взял на себя воспитатель. Правда, позже аталык был дедом щедро награжден землей и скотом. Свадьба была справлена по ногайским и кумыкским обычаям. После свадьбы Салим-Солтан продолжал жить в ауле Мужукай, обосновавшись на своих родовых землях».

Несколько отличалось (по крайней мере в изучаемое время) аталычество у ногойцев. Судя по полевым материалам, у ногойцев в этот период бытовали две существенно различные формы аталычества. Первая форма, с которой связаны такие термины, как «аталык», «ата», «асрав ата», «атай», — воспитатели, «ана», «апалык», «асрав ана», «эмчек», «эмчек ана», «сют ана», «дая» — кормилицы, «эмчек кардаш», «эмчек къыз кардаш» — дети аталыка и др., заключалась в том, что ребенка сразу же после появления на свет или через какое-то время передавали на воспитание в другую семью. Эта классическая форма аталычества в рассматриваемое нами время широкого бытования не имела, хотя и практиковалась, как правило, в

среде феодализирующейся верхушки общества. Чаще ногайцы, как было отмечено выше, сами брали на воспитание детей из господствующего сословия других народностей, особенно черкесов и кумыков. В XIX в. и начале XX в., как видно из нашего полевого материала, аталыками княжеских и салаузенских детей кумыков Терско-Сулакской низменности нередко являлись соседние ногайцы, живущие на родовых землях князей или именитых узденей, расположенных поблизости от княжеского имения.

Второй вид аталычества, пережиточно сохранившийся вплоть до 30-х годов нашего столетия, не был связан ни с кормлением грудью передаваемого на воспитание ребенка, ни тем более с поселением воспитуемого в дом воспитателя. Аталыка в этом случае выбирал себе уже взрослый молодой человек, или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу. «Аталыков, — рассказывал К. Акмурзаев (1890 г. р.) из Вышеталовки Тарумовского района Республики Дагестан, — брали обычно в возрасте 10—28 лет, чаще малолетние юноши, у кого не было влиятельных родственников, покровителей. О своем намерении вступить в отношения с аталыком обычно ногаец говорил своему будущему аталыку при приходе в гости или по делам, со стороны же аталыка это чаще предполагалось при оказании юношей какой-либо услуги, проявлении к нему особого внимания»⁷³. Некоторые старейшие ногайцы считают, что эта форма аталычества была распространена очень широко, причем и между социально-равными членами общества. Некоторые но-

гайцы имели даже по два аталыка. Согласно воспоминаниям Аймухамметова Мурада (1886 г. р.) из сел. Иргакли Кизлярского района, в прошлом многие аталыки помогали юношам собрать калым, справить свадьбу, организовать хозяйство, служили «спиной», т. е. опорой в трудный период жизни.

Содержание и формы аталыческого воспитания в его классических разновидностях менялись в зависимости от периода бытования самого этого института.

Как отмечают многие авторы, одной из функций аталыка являлось обучение своего эмчека наездничеству, военному искусству, умению владеть оружием, быть смелым, побеждать противника и т. д. Об этом ярко на примере кабардинцев и применительно к первой половине XVIII в. пишет П. С. Потемкин.

«Новорожденный владельческий сын, — отмечает он, — тотчас отдается к дядьке, одному из ближних узденей, который сыщет ему кормилицу, а при возрасте обучает его стрелять из лука и из пищали и саблями рубиться и колоться и прочим военным по их обычаю экзерцициям, также красть сперва у поданных своих овцу, корову и лошадь, а потом и к посторонним на воровство ездить, для отгону лошадей и скота»⁷⁴.

Почти аналогичные сведения сообщает упомянутый выше А. М. Буцковский о кумыках конца XVIII—начала XIX в. В частности, он свидетельствует, что воспитание у аталыка «состоит в научении наездничеству и удалости в воровстве. Молодой 8- и 10-летний княжеский сын сажается уже на лошадь и седло, подобно креслам кругом огражденное, охраняю-

щее его от падения, и таким образом в сопровождении воспитателя обучается воровству, находясь иногда несколько дней в поле, пока поиск не наградится добычею. Удастся такому маленькому вору украсть у своих подданных лошадь или скотину, не будучи остановлен на месте, то добыча обращается в его собственность, и нет нужды уже скрывать оную даже перед тем, у кого похищена, ибо сей самый радуется способностям своего князя; буде же на месте постигнут, то отдает только добычу и наказывается стыдом неумению своего»⁷⁵.

Ясно, что аталык, чтобы учить княжеского сына такому ремеслу, сам должен был быть смелым, выносливым, ловким и проворным. Эти качества были необходимы в период феодальной раздробленности и ожесточенной междоусобной борьбы феодалов на Северном Кавказе и в Дагестане, в период, когда князья, ханы, беки нередко совершали грабительские набеги на земли своих соседей⁷⁶.

Не случайно, что тот же А. М. Буцковский особое внимание обратил на роль аталычества в период феодальной раздробленности⁷⁷, которая была характерна в то время для всего Северного Кавказа. Приведем несколько фактов. Так, в 1635 г. терский воевода М. П. Пронский писал в Посольский приказ, что кумыкский мурза сын Султан-Мута со своими людьми напал на кабаки кабардинского князя Клыча Саусланова и «Клыч-Мурзу убил... его людей и лошадей и животных, и он де многих его людей побил, а иных в ясырстве поймал, а лошади и животину отогнал»⁷⁸.

Владельцы Малой Кабарды жаловались Астраханскому губернатору на то, что «Большая Кабарда и кумыки их всегда разоряют и как холопей, так и рогатый скот отнимают и прочее»⁷⁹. Такой же грабительский характер носили походы феодалов и внутри Дагестана.

В отписке терских воевод в Посольский приказ о переговорах с Эндирейским владельцем Казаналипом в 1641 году отмечалось, что сыновья Султан-Мута Казаналип и Айдемир (родные братья) «в недружбе большой»⁸⁰. А в 1646 г. Эндирейский владетель обращается к царю Алексею Михайловичу с просьбой оказать помощь против Тарковского шамхала Сурхая⁸¹.

Характеризуя феодальные распри в Дагестане конца XVIII—начала XIX в., С. М. Броневский писал: «Соперничество до ненависти и непримиримой злобы, допускаемое между владельцами единокровными так, что вооружение брата на брата, сына против отца не почитаемо у них за диковину»⁸².

Время от времени владетели собирались на съезд, где шла речь о необходимости прекращения междоусобицы. Враждующие стороны при этом в знак примирения обменивались аманатами (заложниками) из членов своих семей. Однако долгое умиротворение не наступало, и каждый из владетелей при первом удобном случае готов был воспользоваться правом сильного. В результате междоусобица, борьба за власть, за богатство снова разгоралась с новой силой.

Вражду между феодальными владетелями особенно ярко отражают архивные документы XVIII в. Согласно этим документам, во

второй половине XVIII в. шамхал Тарковский враждовал с Кайтагским улцием, с одной стороны, с мехтулинским ханом Алисултаном, с казанищенским владетелем Бамматом — с другой. Али-Султану и Баммату удалось привлечь на свою сторону засулакских князей; в том числе и эндирейского Темира Хамзаева, на которого обрушился потом шамхал. «Я, — писал Темир Хамзаев (вторая половина XVIII в.), — по его (Баммата Казанищенского. — С. Г.) сродству с шамхалом сделался злодеем и воевал, где убили моего сына, отогнали лошадиный табун... и захватили товар»⁸³. Он же отмечает, что его «проезжающим подвластным... делается не малая остановка»⁸⁴.

Объявляя войну друг другу или совершая грабительские набеги на сопредельные земли, дагестанские феодалы, подобно другим северокавказским владетелям, старались вовлечь в свои разбойничьи отряды как можно больше приверженцев, в том числе и определенную часть свободных или зависимых крестьян. В целом ряде случаев последних снабжали лошадьми, оружием и другим снаряжением.

О феодальной междоусобице красноречиво свидетельствуют данные устного поэтического творчества народов Дагестана. Так, в одной кумыкской песне «Песня Азнаура» (букв. «Песня богатыря») ⁸⁵ поется, что князь Хамза, узнав о героизме Азнаура, приехал к нему и стал его уговаривать отправиться вместе с ним в грабительский поход в Ногайскую степь. Азнаур, не желая участвовать в набеге, попытался доказать, что у него нет стрел, нет пороха. Однако князь настаивает на своем,

дает ему оружие, лошадь, доспехи и т. д. Азнаур принимает благословение родителей, сестры. Жена же просит мужа не отправляться в набег, но он отвечает, что Хамза бий заставляет его это делать. И тогда она предсказывает плачевный исход для Азнаура.

Походы феодалов друг на друга, постоянные грабительские набеги тяжело сказывались на трудовом народе, на его экономике и культуре. В кумыкском причитании — «Песне плакальщицы над телом убитого Султан-Мута»⁸⁶ — упоминается об объединенном походе в Грузию феодалов под предводительством Султан-Мута. В причитании говорится, что он «водил с собою бесчисленную войско, покрывавшее на стоянках обширные поля», «держал в осаде такой город, как Тифлис» и т. д.⁸⁷

Разумеется, феодальные владетели опирались на военные силы, состоящие преимущественно из вассалов — нукеров и других верных слуг, в том числе аталыков, их детей и родственников. Участие последних в походах и набегах порождало почву для сохранения и процветания феодализированного института аталычества, для воспитания княжеских детей в военном духе.

В другой песне, где Султан-Мут характеризует сам себя, которую, очевидно, сочинили его придворные певцы, воспевшие его деяния как воинские подвиги, говорится, что он «тот, кто привел из Кабарды бессмертное войско... силою отобрал свою часть у самого шаухала — этот младший сын Шаухала — я; Я тот муж, которого именуют Султан-Мут»⁸⁸.

Однако позднее, с присоединением Да-

гестана к России, значение военизированного обучения отпрысков князей значительно ослабевает, но сохраняется значение воспитания удальства, которое рассматривали как одну из черт мужского характера, особо ценили в обществе.

Именно в этой связи авторы, писавшие в последней четверти XIX в., после присоединения Северного Кавказа к России, о ликвидации политической власти феодалов, подчеркивают по-прежнему значение аталычества, хотя и несколько ослабленное. Так, М. М. Ковалевский отмечает, например, что у черкесов «вскармливание ребенка и воспитание его, не идущее обыкновенно далее обучения его верховой езде и обращению с оружием, падает на обязанность семьи аталыка, которая нередко озабочивается также принсканием ему невесты»⁸⁹. Феодалыне раздоры, борьба феодалов друг с другом, даже внутри членов одной бийской фамилии, были характерны и для конца XIX в. Известно, например, предание о том, как в 70-х годах прошлого столетия Амир-Чопан Уцмиев из-за права наследования отцовского имущества отразил своего брата Гебека. Дочь последнего — Набат не хотела идти к нему на воспитание, видя в дяде убийцу отца.

В народе сохранилось по этому поводу следующее предание. Когда приближенные ко двору уговорили дочь Гебека перейти в дом Амир-Чопана, опальные женщины научили ее высказать свое недовольство в стихах. И Набат, якобы в присутствии всех жён бека и придворных, пела:

Ичгери Мичигъышгъа къар явса,
Оъз ичидиен чыгъармуken сувугъа,
Агъалары ичилерин оьлтюрсе,
Ят гишлер болурмуken ювугъу?
Ичгери Мичигъышгъа къар явса,
Гъуя гъейлер ити есси хабарму?
Агъалары ичилерин оьлтюрсе,
Ят гишилер тюбек алып чабарму?
Оьзенгилер авур тартгъан тогъагъа,
Вов адаршай сенден болгъан агъагъа,
Насибинге улан тувмай къыз тувдум
Бек къарышып оьлюр эдим ягъангъа.
(Если на Ичгери Чечни⁹⁰ выпадает снег,
Распространится ли холод и дальше?
Если старший брат убьет младшего,
Станут ли близкими посторонние?
Если снег выпадает на Ичгери Чечни,
Разве собака укусит хозяина?
Когда брат брата убивает,
Разве посторонние побегут с ружьями (на помощь).
Даже стремена стали слишком тяжелыми для их
колец.⁹¹
Проклятие такому дяде, как ты!
На твое счастье я родилась девушкой, а не мужчиной,
А то бы я вцепилась в твое горло)⁹².

Амир-Чопан из-за наследства вел борьбу и с другим своим братом — Мехтибеком, рожденным от женщины из рядового сословия. По феодальным адатам, такие дети, называемые чанка, не имели права наследования. Разгорелась ожесточенная борьба и между сыновьями Джамав бека. События эти совпали с известным антиколониальным восстанием 1877 г. в южном Дагестане. Каждого из братьев поддерживали аталыки. Амир-

Чопан был более влиятельным как чистокровный бек, рожденный от бийке, поэтому более влиятельными были и его аталыки. В неравной борьбе Мехти был побежден при подавлении восстания отрядами царских войск. При попытке бегства в Турцию он был тяжело ранен в Самурском лесу и умер в Дербентской тюрьме. Сторонники Мехти потом сочинили о нем песню, в которой говорится об измене ему джамаатов башлинцев, маджалисцев и всех каракайтагцев.

Махти гирген башлылары чине,
Сынап бакъгъан байларыни гючуне.
Гъайт башлылар умугларым уллу эди,
Къара Хайдакъ къатты тюбек атар деб,
Шилегьилар сенгер байлап ятардеп,
Мажалислар мени сезюм тутмацы,
Къара Хайдакъ къатты тюбек атмады...

(Мехти пошел в башлинский джамаат, оценил их силу и сказал: — Эй, башлынды, на вас у меня была большая надежда, я думал, что каракайтагцы будут твердо сражаться с оружием в руках, и шилягинцы будут обороняться, рыть окопы, и маджалисцы будут мне послушны. Шилягинцы не оборонялись в окопах, каракайтагцы не сражались с оружием в руках, маджалисцы не послушались меня...) ⁹⁴ Амир-Чопан же и не подумал оказать помощь своему брату, который умер в тюрьме. Зато он всячески старался поддерживать другого участника того же восстания, одного из своих эмчеков — башлынца. Когда все участники должны были явиться к военному начальству Кайтаго-Табасаран-

ского округа, эмчек Гасаибек Темирбесков не пошел для объяснения причины своего участия в восстании, а явился к Амир-Чопану в гор. Дербент, и тот представил его начальству ⁹⁴. «Все родные Темирбека, — отмечает архивный документ, — считаются эмчеками Амир-Чопан бека» ⁹⁵.

Непосредственно возвращаясь к теме, отметим, что обязанности семьи аталыка перед семьей феодальной особы не ограничивались обучением подрастающего поколения верховой езде и обращению с оружием.

Одной из важнейших и социально-значимых задач аталыка, как мы уже отмечали, являлось воспитание эмчека в духе феодальных норм и правил этикета, а также ознакомление «своего воспитанника с верою и народными обычаями» ⁹⁶, с порядками, господствующими на народных собраниях, т. е. подготовка его к будущим обязанностям и правам владельца. Поэтому во всех случаях аталык должен был быть человеком с большим жизненным опытом, способным оказать влияние на своего питомца. Аталыки, иными словами, должны были стать высшим авторитетом в глазах воспитанников.

Сыновья аталыка водили своего молочного брата на свадьбы, вечеринки, где присутствовали девушки аула, учили его танцевать, петь, играть, соблюдая традиционный этикет. Княжну правилам феодального этикета должна была учить жена аталыка. Она прививала ей правила строгого поведения в обществе, послушания в семье. «Во время воспитания, — писал Н. Данилевский, — таким девушкам не позволяют ни с кем, кроме родствен-

ников, вступать в разговоры, однако не прячут их от посторонних и не запрещают из учтивости сказать несколько слов, стоя, впрочем, боком и не глядя в глаза»⁹⁷.

Аталычка учила свою воспитанницу не только хорошим манерам, но и будущим ее обязанностям — обязанностям хозяйки, жены и матери с учетом ее высокого общественного положения. Большое место в занятиях княжны должно было занимать рукоделие — шитье одежды, вышивка золотом, изготовление предметов, которые должны будут войти в ее свадебные подарки (кисеты для табака, кобуры для пистолета, футляры для часов, детские шапочки и др.).

Аталыки учили своих воспитанников и начальной грамоте, но это обычно далее умения читать и писать не шло. Редко кто учился в русской школе или в арабских школах повышенного типа, но обучение Корану⁹⁸ в примечетской школе или с помощью приглашенного специалиста было делом обязательным для всех, в том числе и воспитываемых у аталыков. Даже известный владетель, впоследствии генерал-майор царской армии Амир-Чолан Ушмиев, воспитывавшийся до 14—15 лет в семьях двух узденей с. Башмы и Янгикент, по словам осведомленных людей, еще умел читать и писать.

Немаловажное значение имело трудовое воспитание детей. Б. Лобанов-Ростовский, в частности, отмечал относительно сулакских кумыков, что «детей своих, когда они вступали в возраст и начинали выезжать в поле, князья препоручали тому из узденей своих, на которого более полагались: быть пестуном

молодых господ составляло верх почести для служителя»⁹⁹. Многие воспитатели всячески старались прививать своим питомцам трудолюбие, человечность, чувство ответственности, лучшие этические и нравственные качества. Успех такого воспитания во многом зависел от жизненных позиций, нравственных устоев самого воспитателя, его семейных традиций.

Однако воспитывая детей владетельных особ, аталык и аталычка, стоявшие ниже их на социальной лестнице, должны были строго придерживаться сословного этикета, относиться к своим питомцам с лючением, выпонять порою даже роль их слуг. Аталыки (дядьки) или их жены (кормилицы) в ряде случаев следовали за своими эмчеками — княжескими детьми и в аманатные дворы, где те вместе с ними пребывали в качестве заложников¹⁰⁰.

Следуя этикету, воспитатели (женщины и мужчины) часто шли сзади или с левой стороны от своих воспитанников, представляли их обществу сообразно их сословному положению, заботились, чтобы их сажали на почетное место, сами занимали место более скромное. Социальное неравенство воспитуемых и воспитателей особенно подчеркивалось в процессе воспитания девушек. Если жена аталыка вводила ее в чужой дом (по случаю свадьбы, похорон и т. д.), она строго соблюдала этикет. Входя в дом, она пропускала воспитуемую вперед, представляла ее присутствующим так, чтобы потом могла вступить в беседу сама княжна. В качестве «бийкени

эмчек анасы» или, как еще называли ее, «бийкени тамазасы» («тамада княжны»), «бийкени ян ёлдаши» («подруга княжны, которая держится сбоку»), она должна была снимать с нее шубу, обувь, помогать одеваться. Даже кувшины для нужд воспитанницы в туалет порою несла аталычка или ее взрослая дочь, и только при наличии в доме специальной прислуги всю черную работу выполняла последняя.

Возвращение аталыком воспитанника (воспитанницы) в семью родителей (в прошлом «по достижении совершеннолетия»¹⁰¹) происходило в торжественной обстановке, часто устраивали той и скачки с призами. К этому событию готовились обе стороны. Аталык справлял для воспитанника богатую одежду, оружие, по возможности дарил лошадь с хорошим седлом и сбруей.

Чего не доставало у самого эмчека, восполняла его родня (тухум). Юношу сопровождали домой не только сам аталык и его взрослые сыновья, но и вся родня и почетные люди аула, одетые как на большой праздник. Если дом феодала находился в другом селении, мужчины ехали на лошадях. Возглавляли кортеж аталык и другие почетные аксакалы. Женщины (эмчек ана — кормилица, ее дочери и другие родственницы) ехали на арбах. Впереди на особо убранной арбе размещались «эмчек ана» и ее воспитанница — «эмчек кыыз».

По обычаю встречать поезд выходила вся родня молодого князя (кроме отца и матери).

Смешавшись с теми, кто сопровождал кор-

теж, но соблюдая определенный порядок чинопочитания (вперед шли аталык, почетные люди, чуть поодаль — молодой князь и его сверстники), все входили в дом князя, где все было приготовлено для приема гостей и начала торжества. В доме князя или именитого дворянина аталыку оказывали самые высокие почести. Старший князь (дед, дядя юноши) благодарил аталыка за преданное служение их семье, роду, за хорошее воспитание молодого князя. Аталык, в свою очередь, как бы отчитывался перед семьей и выражал готовность служить князю всю свою жизнь, рассказывал яркие эпизоды из жизни своего воспитанника. Во время пира глава семейства в присутствии всех собравшихся объявлял о наградах аталыку за воспитание. В качестве вознаграждения аталык обычно получал землю или скот, иногда и рабов, а также право пользования податями и повинностями с определенного числа семей подвластного населения и др. Земли дарились как для потомственного пользования, так и для временного. Когда Д.-М. Шихалиев писал, что кумыкские засулакские князья своих салаузденей «осыпали разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и пр.», безусловно, имелись в виду прежде всего «княжеские аталыки»¹⁰².

Наделяя своих узденей, в том числе и аталыков, землей, «в поощрение полезных услуг», князь, однако, предусматривал и способы закрепления их подчиненного положения. Об этом говорит сам характер надения их недвижимым имуществом. Подаренные аталыку во временное пользование земли,

как известно, со смертью узденя возвращались хозяину (князю).

Необходимо отметить, что в ущийстве Кайтагском и во владениях засулакских кумыкских князей, где еще долго сохранялись неразделенными родовые имения владельцев, молодые беки получали для проживания отары (малонаселенные пункты) или кутаны. Нередко в постоянное владение земельные участки отводились и аталыкам, которые одновременно становились и распорядителями владений своих эмчеков. В результате возникли такие поселения, как Адил-Отар, Ахай-отар, Хаммамат-Юрт, Хамза-аул, Хамав-юрт и др., основателями были молодые князья из 12 крупных княжеских фамилий. Если в этих феодальных владениях аталыки в качестве вознаграждения получали в основном земли, то в других — движимое имущество, чаще всего скот. В изучаемое нами время, кроме земли, скота, оружия, члены семей аталыка получали дорогостоящую одежду (в первую очередь женщины, особенно, если семья узденя была небогата), которая в условиях мануфактурного голода ценилась очень высоко. «Если судьба наделит эмчека воспитанником женского пола — бике (девицею-ханшею), — писал П. Пржецлавский, — все его семейство донашивает с плечей ханши старые платья»¹⁰³.

По свидетельству наших старейших информаторов, жены Амир-Чопана Уцмиева постоянно жаловались, что им приходится дарить платья семьям аталыков и их близким родственникам, причем даже такие, которые сшиты по их вкусу и нравятся им самим.

Если дети аталыков оставались сиротами, родители молодого князя брали их на свое попечение, женили и выдавали замуж, исправив соответствующее приданое и внося калым, содержали скот осиротевших детей на своем кутане. Особую заботу проявлял о престарелых аталыках и их детях сам воспитанник. Так, например, после смерти молочного брата князя Амир-Чопана Уцмиева — Мутая (из сел. Янгикент) оба его сына — Али и Пашабек жили у князя до его смерти, а когда умер Амир-Чопан, одна из его вдов — Джейей бийке переселилась к детям эмчека в Янгикент и жила до переселения в Турцию в доме сыновей Мутая.

При женитьбе сыновей и выходе замуж дочерей аталыка семья воспитанника посылала им дорогую одежду, скот для свадебного пира, лошадь для калыма. Большие расходы она несла и в том случае, если умирал кто-нибудь из членов семьи воспитателя. При выдаче замуж воспитанницы аталык получал калымный «баш ат» (лошадь) с богатым убранством, а его жена — кормилица княжны — большую сумму денег серебром «за кормление грудью» («сют акъча», букв. «молочные деньги» — до 30—40 рублей) и другие калымные подарки.

Чем знатнее были родители воспитанника и влиятельнее род аталыка, тем богаче были подарки аталыку, тем больше внимания уделялось его семье. Нередко хозяевами земли и оросительных каналов феодалов являлись их аталыки или аталыки их сыновей. Они же распоряжались сельскохозяйственными работами, контролировали отправление повин-

ностей и внесенные подати независимыми условиями, сдавали пастбищные кутаны в аренду горским овцеводам, получали от них установленный ясак. Так, например, все эти функции были доверены эмчекам сыновей и дочерей уцмий Кайтагского Джамав-бека. Особыми правами пользовался сын аталыка Амир-Чопана Уцмиева из Янгикента Мутай (конец XIX в.). Он по существу являлся исполнителем воли своего молочного брата, распоряжался от его имени землями, кутанами и вел себя как жестокий и надменный хозяин. Такую же власть в Табасаране имели аталыки аркитских беков. В частности, аталык детей Бийбала бека, известный во владении кадий Кара-Гаджи (конец XIX и начало XX в.).

О привилегиях аталыков говорит и следующая факт, описанный в архивных материалах. Гуенцы отбывали булку не только своим князьям Айдемировым, но и их эмчеку Арсланбеку, сыну узденя Биякая. Когда же Биякай в драке с гуенцами лишился рук, князь Муртузали, вступившись за своего прислужника, в 1775 г. принудил гуенцев отбывать булку Биякаю на участке Гок-су.

Аталыки засулакских князей имели самые крупные земельные владения со сравнительно высоким уровнем развития феодальных отношений. «... Они, — писал о князьях засулакской Кумыкии Д.-М. Шихалиев, — с ранних лет приучались не обращать внимания на собственное хозяйство, и относя это на попечение аталыков своих, безотчетно предавались развлечениям праздной жизни»¹⁰⁴.

Так, у Салим-Солтана Капланова в 60—

70 гг. XIX в. аталык-ногаец жил в Мужукае, в подвластном Каплановым ауле. Там же после женитьбы обосновался его воспитанник. Всем хозяйством (землями и скотом) фактически распоряжался аталык. Став аталыком двух сестер и дочери князя Ахай-Хамзаева (конец XIX в.), живущего в родовом имени Ахай-отар, Темирболат из аула Мужукай стал фактическим хозяином земель и скота своего князя.

По выражению информатора Ильяса Камбулатова, «Темирболат имел в два раза больше богатства, чем владлец отара Ахай-бий. Темирболат сколько хотел, столько пахал для себя, сколько хотел, столько косил, сколько хотел, держал скот»¹⁰⁵.

Как рассказывали нам старейшие информаторы, которые застали людей, хорошо помнящих аталычество, известны факты (особенно в пореформенный период), когда отдельные богатые, но не именитые уздени (даже бывшие чагары) находили разные пути приближения к особе влиятельного князя. Одним из механизмов получения покровительства было аталычество. Многие сами просились в аталыки не ради экономических, а ради политических выгод, ради приобретения более высокого социального положения.

Разумеется, воспитав сына князя или именитого узденя, получив от них земли и другие дары, аталык, как правило, всю жизнь оставался преданным им человеком, защищающим их общественно-политические интересы. В феодальную пору он вместе с сыновьями сопровождал своего воспитанника и его отца во время военных походов, соблюдая

их интересы в междоусобицах. Судя по полевым данным, аталыки даже уходили в канлы вместо своих воспитанников¹⁰⁶. Аталык и его дети мстили за обиду, причиненную кем-либо воспитаннику. Известно, например, что в 1834 г. молочный брат старшего сына аварской ханши Паху-Бийке Абуноцал-хана (он же Обу-Султан Нуцалхан) Осман отомстил Гамза-боку — убийце своего эмчека и его брата Умахана, расправившись с ним в хунзахской мечети, а также с матерью Паху-бийке. Народная память сохранила предание о том, что кормилица Абуноцал-хана Месседу закланала своих сыновей Хаджи-Мурада и Османа отомстить убийце. «Пусть мое молоко будет вам ядом, если вы этого не сделаете»¹⁰⁷ — призывала она.

Став воспитателем ханского или княжеского сына, аталык — средний уздень, как отмечает Д.-М. Шихалиев, мог попасть на следующую ступень социальной лестницы, т. е. стать узденем более высокого разряда¹⁰⁸. Однако, как отмечает сам автор, «повышение в классах — приобретением имения... происходит исподволь», по истечении определенного времени¹⁰⁹.

Вся семья и родня аталыка, как отмечалось выше, принимали самое активное участие в судьбе своего воспитанника. По адату, нередко жених и невеста во время свадьбы останавливались в домах своих аталыков. Княжна — бийке — нередко выходила замуж непосредственно из его дома. Так, кумыкского князя из сел. Аксай Хасавюртовского округа Салим-Солтана Капалцова примерно в 60 — 70-е гг. XIX в., как мы отмечали, женил аталык

в своем доме, в сел. Мужукай, расположенном на родовых землях Капалановых и Хамзасвых¹¹⁰.

Аталык или его сын возглавляли и посольство жениха, которое отправлялось, согласно свадебному обряду, из дома родителей (или своего дома) за невестой, а если воспитывали девушку, то молочный брат сопровождал ее в дом жениха, садясь с ней вместе на свадебную арбу («чогыа башын тутгъан») и получал за это в качестве вознаграждения лошадь или богатое оружие (у кумыков Буйнакского владения). Молочная мать — эмчек ана — везла приданое невесты в дом жениха и руководила размещением вещей невесты в брачной комнате (уьй тизе). Когда же, по адату, молодую приглашала семья мужа, в их дом вместе с родной матерью отправлялась и эмчек ана.

Не менее активное участие принимала семья аталыка и в несчастных случаях. Так, наравне с единокровными молочные братья и сестры оплакивали, когда кто-нибудь умирал из близких воспитанника, брали на себя организацию похорон, носили траур, принимали соболезнование. Нередко в плачах и причитаниях женщины дома аталыка брали на себя основную роль. Так, например, когда умер единственный сын Амир-Чопана Джамав, названный по имени деда Джамав-бека, в его доме в сел. Карадатлы был устроен большой яс. На яс собрались аталык Тагир и его жена Хамудей, кормившая своей грудью умершего ребенка, и все члены их тухума. Похороны мальчика здесь ничем не отличались от церемониала по случаю смерти взросло-

го бия. Был устроен, в частности, «шагьалай»¹¹¹, который по адату делался в том случае, когда умирал человек, не оставив наследника. Вынесли парадную одежду мальчика во двор, вывели в середину собравшихся на соборезнование коня арабской породы с черной атласной попоной на спине. Вел коня аталык мальчика Тагир, ударяя одной рукой по лбу, остальные тоже ходили по кругу и повторяли его движения. Кормилица Хамулей, жена аталыка, известная своим мастерством в обряде оплакивания умерших, встав в круг громко произносила причитания — «ваять». Эти причитания были панегириком беку Амир-Чопану, восхвалением его деяний, отражающим верноподданническое отношение аталыка к семье воспитанника. Хамулей и ее старшая дочь Хаджар безвыездно находились в доме бека полгода, погрузившись в глубокий траур, не снимая черной одежды¹¹².

По преданию, в этом траурном акте участвовали аталыки всех членов семьи Уцмиевых. Все женщины, в частности, носили траур, а известная плакальщица Киштей, двоюродная сестра упомянутого выше улауузденя Михраба — аталыка племянницы Амир-Чопана Набат, вслед за кормилицей усердно выполняла порученную ей роль панегиристки.

В более отдаленном прошлом обычай, связанные с аталычеством, очевидно, были еще строже. По сведениям, собранным польским путешественником графом И. Потоцким со слов кумыкского князя Магомед-Гирея в 1797 г., у кумыков существовал в прошлом обычай, согласно которому наставник в слу-

чае смерти своего эмчека обязан был отрубать себе половину уха. Более того, кормилица умершего князя обязана была не только вырывать волосы, брови, ресницы, но и погрести себя заживо. Для этого рыли яму, куда сажали кормилицу, закрыв верх пробитым горшком. В таком положении ей давали есть, но в большинстве случаев кормилицы умирали¹¹³.

Еще один интересный обычай. Как известно, у кумыков был обычай, согласно которому в знатных домах по случаю неестественной смерти сородича родственники устраивали особый обряд оплакивания. Он заключался в том, что в круг плачущих вводили лошадь умершего. По сведениям того же П. Пржевальского (жившего среди кумыков в сел. Дженгутай, как он сам пишет, «более шести лет»), эту лошадь, слегка подрезав кончики ушей, отдавали в подарок молочному брату умершего¹¹⁴.

* * *

Итак, через аталычество между двумя семьями (добавим, и двумя родственными группами) устанавливались самые тесные родственные отношения, регулируемые специальными нормами и обставляемые многочисленными обрядами и церемониями. Эти нормы предписывали и воспитателю, и воспитаннику взаимоподдержку во всех случаях жизни — во время свадьбы, похорон, во время конфликтов с другими тухумами, семьями, не говоря уже об изменении социального статуса и материального положения ата-

лыка. Известны случаи, когда во время новой женитьбы отца после смерти матери и ссоры из-за земли и другого имущества или по какой-нибудь не менее серьезной причине молодой князь уходил к своему аталыку, который был обязан защитить его интересы. Сохранилось немало преданий о том, как аталыки мирили своих подопечных, возвращали их домой и даже как вместе с воспитанником враждовали с его родителями.

Выше мы охарактеризовали аталычество в Дагестане в XVIII — XIX вв. Однако к этому времени этот институт был зафиксирован в источниках как порядок, бытовавший лишь в аристократической среде и в феодальном трансформированном виде.

Особым образом аталычество меняет свое содержание и форму в пореформенный период. В конце XIX и начале XX в. осуществлялась передача детей главным образом на кормление грудью, т. е. сроком на 2 — 3 года¹¹⁵. Об этом свидетельствуют многочисленные полевые этнографические данные. Так, например, дети Бабаюртовского князя Забита Уцмиева в конце XIX и начале XX в. находились у кормилиц 2—3 года; двух старших сыновей кормила одна женщина, а младшую дочь — другая. Обе женщины жили в том же селении Костек¹¹⁶. Информатор из сел. Эрпели Дайганат Уллубиева (из эрпелинских беков) помнит, что она находилась в доме своей кормилицы также в течение 2-х лет¹¹⁷. Она отмечает, что «в это время отдавали детей даже в бедные семьи, здесь важно было сохранить сам обычай, чтобы не

говорили, что нарушают этикет или не могут отдавать, обеднели»¹¹⁸.

В сел. Кумторкала (ныне Коркмаскала) быв. Темиржаншуринского округа (ныне Кумторкалинский р-н) Умалат из биев Мирзоевых был вскормлен в семье односельчанина Абакара и находился там примерно два года. Заза бийке, дочь Рустамбека из Аркитокых (табасаранокых) беков, была отдана на кормление в бедную семью, в которой она находилась в течение 3 лет¹¹⁹. У аварских ханов такая практика также наблюдалась очень часто¹²⁰.

Сын Ружельского бека Паша находился в доме аталыка по имени Сафар. Его жена Пержахан кормила ребенка грудью в течение 2 — 3 лет, после чего он вернулся домой к родителям¹²¹. Почти тот же самый срок воспитания практиковался у беков из сел. Мугарты, Дарваг и других азербайджанских и табасаранских селений¹²², а также у курахских беков (от 7 месяцев до 7 лет).

В это время, как это отмечено выше, практиковалась отдача детей на кормление и в бывшие рабские или чагарские семьи. Так, например, по свидетельству информаторов, аварские ханы нередко посылали младенцев на кормление в селения Ках, Хини и др.¹²³ населенные частично бывшими рабами и чагарами. Кроме того, как показали материалы исследования, в рассматриваемое время нередко практиковался порядок, по которому кормилица — «эмчек» — поселялась на время кормления в доме бия, первостепенного узденя. Семья ребенка выделяла для нее специальное помещение или даже отдельную пост-

ройку, если кормилица переселялась сюда со своей семьей. В этот период, судя по всему, владельцев вполне устраивала и вдова, которая оставалась с грудным ребенком и нуждалась в материальной и моральной поддержке, что свидетельствует о падении значения воспитательных функций атакыков и о серьезной трансформации обычая.

Так, племянники Джамав-бска Уцмиева (дети Абдулжалыл-бска Уцмиева), по-прежнему имевшие эмчков из чумлинских зависимых крестьян, пользовались для вскармливания детей услугами приглашенных из числа таких крестьян. В частности, была приглашена женщина-чумлинка в кормилицы дочери Абдул-Мажит-бека Саятханум в Исси-сукутан, где проживал сам чумлинский бек со своей семьей. Кормилица жила здесь вместе со своими детьми в течение 6 лет¹²⁴. Костиковский крупный землевладелец, уздень первой степени Крымсултан Аджаматов кормилицу своей дочери Хушет поселил в своем доме вместе с ее дочерью грудного возраста, которая выросла в доме помещика и после смерти матери была выдана им замуж.

Самый богатый и влиятельный в Дагестане феодал Амир-Чопан Уцмиев для вскармливания своего сына Джамав-бека держал в качестве кормилицы супругу состоятельного башлинского узденя Тагира. Его жена Хамулей была здоровая и красивая женщина, а сам Тагир — ловкий джугит (во время скачки мог сорвать яблого с макушки дерева), уздень с хорошей репутацией. Оба они были из влиятельных тухумов. Своего грудного сына они отправили в горы (к даргинцам), а стар-

шие дети оставались вместе с отцом дома в Башлах. Тагир время от времени навещал жену. В сел. Карадаглы, где чаще жила зимой Амир-Чопан, кормилице были отведены две комнаты, и в ее распоряжение была предоставлена служанка — «дигизе». Последняя обмывала ребенка, стирала его одежду и т. д. Около двух лет Хамулей жила в доме бня и покинула его только после смерти ребенка¹²⁵. Можно было бы привести еще много примеров постепенного перерождения былого порядка отдачи на воспитание в порядок только вскармливания.

Казикумухские ханские семьи в те годы чаще всего сами воспитывали своих детей, пользуясь лишь услугами приглашаемых кормилиц из подвластных и других экономически нуждавшихся женщин¹²⁶. Они назывались «жуккук булурт» (букв. «дающая грудь»). По свидетельству информаторов, в конце XIX и начале XX в. таким образом одного ребенка кормили от 5 до 10 женщин (1 месяц), которые жили в своих домах и по очереди ходили в ханский двор для кормления их детей¹²⁷. За детьми же ухаживали специальные няни, которые назывались «сурмухху». Подобные формы кормления с приглашением в дом кормилиц и нянь имели место в феодальной среде и у других народов Кавказа, в частности, у абхазов¹²⁸.

Правда, судя по нашему полевому этнографическому материалу, отдельные эмчекки-женщины, которые поселялись в доме родителей ребенка, особенно бедные, вдовы, оставались там годами и там же растили собственных детей, постепенно превращаясь в де-

шевую рабочую силу и объект эксплуатации. В отличие от обычных эмчеков, принявших детей знатных особ в свой дом на воспитание, такие женщины нередко именовались терминном «дигизе» (служанка). Родные матери воспитуемых детей нередко контролировали каждый шаг кормилицы, обвиняя ее в излишнем внимании к собственным детям, упрекая, что дети кормилиц крепче, сильнее их детей. «Даже к отсутствующему моему ребенку, который воспитывался в горах, меня ревновала Умугани — жена Амир-Чопана, ребенка которой я кормила», — делилась со своей молодой снохой, нашим информатором, Хамулси¹²⁹. Женщина, кормящая бийского ребенка, как было отмечено, должна была в течение всего периода кормления воздерживаться от интимных отношений с мужем, чтобы не допустить беременности. Поэтому мужа кормилицы старались не впускать в дом, а ее не выпускать из дома феодала. По словам известного югайского просветителя А. Ш. Джанибекова, муж кормилицы ребенка мурзы «уходил на работу подальше от семьи»¹³⁰.

Одновременно был упрощен и порядок отдачи ребенка в чужой дом и возвращения его в семью. Ребенка теперь редко отдавали в другой аул — всегда находились бедные люди и внутри селения. Контроль за кормилицей становился все строже. Существенные изменения претерпевает и оплата труда эмчеков. Как правило, в дом кормилицы посылали зерно, скот (особенно осенью на убой и вяление), молочный скот (корову или буйволицу), одежду как для своего ребенка, так и кормилицы и членов ее семьи, дрова на зиму и др.

Перестает играть особую роль наставника и муж кормилицы. На первый план выступает кормилица, почитаемая выкормленным ею мальчиком или девочкой и выполняющая наравне с родителями роль наставницы и защитницы интересов своих эмчеков. Однако связи обеих семей сохраняются, они по-прежнему опираются друг на друга во всех случаях жизни, а воспитанник остается привязанным к семье своей кормилицы, оказывает ей внимание, услуги, пользуется ее поддержкой.

Глава II

УСЫНОВЛЕНИЕ И УДОЧЕРЕНИЕ

Усыновление и удочерение как форма искусственного родства по сравнению с обратным и особенно атакельством были менее распространенным явлением.

Усыновление (удочерение)¹ обычно практиковалось бездетными людьми. К усыновлению прибегали чаще всего родные сестры или родные братья, когда у одной (одного) из них не было детей, а у другого, наоборот, их было несколько. Иными словами, чаще усыновляли племянников (племянниц). Еще практиковалось усыновление детей родственников, когда те лишались родителей, оставались сиротами. В тех и других случаях ребенок или подросток переходил в семью усыновителя навсегда, с правами и обязанностями родного ребенка.

Усыновляли обычно как новорожденных, так и 2—5-летних детей, при этом соблюдая определенные обряды. Так, например, по свидетельству наших информаторов, в селении Ерси Табасаранского р-на и в городе Дербенте в таких случаях будущая «мать» новорожденного трижды пропускала младенца по

груди и животу от ворота платья к подолу и несколько раз повторяла фразу «ты теперь мой, слышишь, мой ребенок».² Такого ребенка в Ерси называли «яхасундан салуб, этегинден чыхарылмыш ушаг» (букв. «ребенок, пропущенный через ворот и принятый у подола»). Этот обряд напоминает порядок «стакке салыв» (букв. «положение в полу» или «подол») у каракалпаков³.

Среди форм усыновления особое место, пожалуй, занимала гидатлинская форма усыновления новорожденного. В Гидатлинском селении Гоор, например, с появлением на свет ребенка к его родителям приходили представители родственных или дружественных семей с предложением разрешить им усыновить новорожденного, стать его родителями. «Мы хотим стать его родителями», «мы хотим, чтобы он был нашим сыном», «мы будем заботиться о нем, как надо», — говорили они при этом. Иногда с такой просьбой обращались еще до рождения ребенка. Нередко предпочтение оказывалось первому просителю, другим отвечали: «Уже родители определены, спасибо за внимание»⁴. Усыновлялись, таким образом, чаще мальчики, а не девочки. Новые родители должны были устроить богатое угощение в честь приемного сына. Хотя он жил в своей родной семье, усыновители должны были заботиться о ребенке, навещать его, делать подарки, оказывать родителям материальную помощь и т. д. Основная же их функция заключалась в обеспечении усыновленного, когда тот вырастет. По гидатлинским обычаям, усыновители должны были обеспечивать своего усыновленного во время его же-

нитьбы «другим домом»⁵ для брачного поселения. При этом глава данного семейства должен был быть во время свадьбы гудулом (шафером) жениха, т. е. распорядителем свадебного торжества. Если возраст усыновителя не позволял ему быть наставником или гудулом во время женитьбы усыновленного, то он эту обязанность поручал другому — сыну, племяннику, зятю, словом, тому, кому доверял. Юноша называл усыновителей: женщину — «гъарарай эбел» (букв. «просившая его мать»), мужа ее — «гъарарав эмен» («просивший его отец»).

Обычай усыновления молодых людей, очевидно, в несколько другой форме и иного содержания, бытовал также у ногайцев. Он также не был связан с кормлением грудью, ни тем более с поселением усыновляемого в доме усыновителя. Здесь аталыка (эта форма искусственного родства также называлась аталычеством) выбирал себе взрослый человек или же, наоборот, аталык брал на воспитание юношу. Один из старейших ногайцев из сел. Бийсей-аул Нефтекумского р-на Ставропольского края Динмухамед Абдулгазиев (1884 г. р.) следующим образом характеризовал этот вид усыновления или воспитания: «Такое аталычество было у нас широко развито в мои молодые годы, потом стало практиковаться реже. Чаще, насколько я помню, аталыки имели бедные юноши и брали они в аталыки обычно состоятельных и влиятельных людей. Желаящий иметь наставника или покровителя обращался к определенному лицу, по его мнению, обладающему всеми нужными для этого качествами. Отказывать было

не принято, более того, согласно поступало тут же, при первом же обращении. Могло быть и так, что инициатива исходила от будущего аталыка. Союз двух лиц или семей оформлялся взаимным приглашением и подарками. Состоятельный аталык дарил своему подопечному коня или корову. У одного лица обычно бывал только один аталык, но сам аталык иногда имел несколько подопечных. Девушки тоже могли брать аталыка. Но им должен был быть только мужчина. Аталыков выбирали и для малолетних и даже для 30—40-летних»⁶.

Почти аналогичные сведения сообщил нам об этом виде усыновления или покровительства и К. Акмурзаев (1890 г. р.) из Вышетаповска Тарумовского р-на Республики Дагестан. «Аталыков, — рассказывал он, имея в виду такого вида усыновления, — брали обычно в возрасте 10—28 лет, чаще малолетние ногайцы, у кого не было влиятельных родственников, покровителей, нередко юноша, оставшийся без отца. О своем намерении они сообщали будущему аталыку во время его прихода в гости или по делам. Со стороны аталыка такое предложение поступало при оказании юношей какой-либо услуги, проявлении к нему особого внимания»⁷.

Кулув Шамажаев (1913 г. р.) из аула Мангул Кизлярского р-на, основываясь на семейных преданиях и личных наблюдениях, рассказывал: «Говорят, что аталычество было раньше сильно развито, что многие имели своих аталыков. Насколько мне известно, если старый человек видел хорошего, услужливого юношу, то он говорил ему, что хотел

бы стать его аталыком. В торжественной обстановке он оформлял этот союз и приглашал усыновляемого и его родню, делал ему подарок. Через несколько дней семья юноши также приглашала старика с родней. И сейчас этот обычай в какой-то степени сохраняется. Старик мог изъявить желание взять кого-либо в сыновья, если даже у него самого есть родные дети, а у юноши — родители»⁶.

По данным одних информаторов, молодой человек мог иметь только одного аталыка, по сведениям других — и двух. Все, очевидно, зависело от условий жизни сторон. Нельзя не отметить, что все ногайские варианты усыновления не имеют ничего общего с действительным усыновлением, с поселением усыновляемого в дом усыновителя. Они также далеки от аталычества в его классической форме. Это особый вид искусственного родства, по своей форме и содержанию напоминающий патронат.

При всем том, это был институт, который играл большую роль в жизни ногайского общества и к которому, согласно сведениям информаторов, прибегали юноши, в ряде случаев и девушки, различного возраста, но чаще с 9—10 до 25—30 лет. В течение всей жизни усыновитель-аталык должен был постоянно покровительствовать своему подопечному, помогать ему советами, наставлениями, когда необходимо, оказывать и материальную помощь, защищать его интересы, а в случае смерти родного отца забрать его к себе на жительство, собрать калым, справить свадьбу, организовать хозяйство.

Воспитуемый, в свою очередь, должен был

почитать своего аталыка, постоянно оказывая ему знаки внимания, помогать по хозяйству, принимать активное участие во всех событиях его семьи и тухума, а в случае его смерти, наравне с родными сыновьями, соблюдать траур, принимать соболезнования, нести расходы по организации похорон и поминков и т. д. Столь же активное участие он должен был принимать при женитьбе сыновей или выходе замуж дочерей своего наставника. После смерти усыновителя, у которого не было прямых наследников, приемный сын мог наследовать его имущество.

Иногда отношения усыновления вырастали из куначества. Бывало, что во время пребывания кунака в доме хозяина рождался ребенок. В таких случаях гость не оставлял без внимания это событие: он дарил ребенку (если это был мальчик) кинжал, нарекал ему имя, признавал в нем сына и т. д. Если рождалась девочка, он делал ей подарок, называл дочерью. Словом, он как бы усыновлял (удочерял) ребенка кунака — «кыыз этип», «улан этип гете» (уезжал, назвав ребенка своей дочерью, своим сыном). В селении Башлыкент в 20-х гг. был такой случай: в семье именитого узденя Магомеда Гамзаева родился сын в тот момент, когда у него в доме пребывал близкий друг — кунак из сел. Уркарах по имени Алиших. Перед отъездом гость зашел в комнату вместе с родным отцом младенца, с позволения отца дал ему свое имя и положил в люльку, к ногам мальчика в качестве подарка свой серебряный кинжал. Кунаки долго сохраняли дружбу, и мальчик называл кунака Алишиха названным отцом.

По сведениям Байрава Бавбекова (1868 г. р.) из сел. Геметюбе Бабаюртовского р-на, у ногайцев и сейчас существует аналогичный обычай.

У некоторых народов, в частности, у ногайцев, кумыков, предгорных даргинцев (Урахи, Мулебки и др.), когда у родителей подряд умирали дети — «яшлары ярашмагъанлар» (бук. «кому дети не подходили» — кум.), устраивали инсценировку их продажи («сатыв») или кражи («урлав»). Какая-нибудь кормящая родственница, соседка в отсутствие дома матери как бы тайком уносила к себе младенца и воспитывала, иногда до 5—7 лет. Большое сходство с этим обычаем имела и «продажа новорожденного», когда соседка или посторонняя женщина якобы покупала его за отруби, деревянные ложки, вилки или горсть зерна и воспитывала у себя, сколько могла (от 2—3 месяцев до года). У даргинцев этот обычай чаще назывался «ихлехъес» («на держание»).

В кумыкском селении Кизляр Моздокского р-на Северной Осетии Багдад Каирбекова (1889 г. р.) рассказывала, как она «украдала» 5-дневного ребенка у своей односельчанки, когда мать вышла из комнаты. Она вскормила его грудью (накануне умер ее собственный ребенок грудного возраста) и в течение 7 лет воспитывала у себя. Иногда мальчик бывал у родителей, ночевал в родном доме. Потом она «продала» его родителям за сито отрубей. «Ребенок рос здоровым, жив и сейчас, имеет свою семью и меня почитает наравне с родной матерью», — рассказывала она нам в 1979 г. Как правило, полагалось брать де-

тей таким способом тем, у кого дети росли нормально, не умирали: «яшлары ярашгъанлар», «яшлары къурашгъанлар» (букв. «кому подходили дети», «с кем дети были в согласии», т. е. у кого дети оставались живыми — кум.).

Основной смысл этих обрядов заключался в стремлении обмануть «нечистую силу», «духов смерти», которые якобы «охотились за детьми», «запутать им дорогу в дом». Так или иначе эти акты нередко способствовали укреплению и расширению связей родства, не вступающих кровнородственным. Нередко дети также называли этих женщин «эмчек ана» или теми именами, которыми именовали их собственные дети. В тех и других случаях детей возвращали потом в родительские дома тоже путем «купли», как бы за выкуп их обратно.

Согласно старой традиции, у многих народов Дагестана перед свадьбой жениха и невесту поселяли каждого в отдельности в «другие дома»⁹ — к соседям, родственникам (жениха чаще в дом друга). У северных кумыков этот дом промежуточного брачного поселения назывался «тюшген уй» или «бел чечген уй» (букв. «дом, где он снял пояс, поясную одежду»). Последнее, как нам кажется, свидетельствует о бытовании в прошлом обычая вступления молодых в фактический брак в «другом доме». В изучаемое нами время, однако, такие факты, по словам информаторов, не наблюдались. Суть такого поселения всюду была единой — создать в этих домах наиболее благоприятные условия для жениха и невесты в предсвадебные и

свадебные дни. Княжеские сыновья и дочери чаще переходили в дома своих аталыков. Если орок пребывания невесты в «другом доме» был сравнительно кратковременным (от 3 до 7 дней), то жених мог находиться там до месяца и больше, в зависимости от приверженности его семьи к старым традициям. Н. Семенов отмечал, что жених на некоторое время, до прибытия невесты в его дом, уходил к кому-нибудь из соседей и оставался там в течение многих дней¹⁰. Хозяева «другого дома» брали на себя чуть ли не половину расходов по устройству свадьбы. В их доме собирались друзья жениха (соответственно подруги невесты), устраивались богатые грапезы с приглашением музыкантов, певцов, аульских девушек для танцев. Молодая нередко из своего «другого дома» выходила и замуж. В результате между семьями этих домов устанавливались отношения, не уступающие родственным, особенно с домом, где пребывал в эти дни жених¹¹. Молодая женщина обычно называла главу семьи этого дома, как и главу своего «другого дома», отцом (атам), а его жену — матерью (анам), а у ногайцев къайын анам (свекровь) и къайын атам (свекр). Молодая постоянно оказывала знаки внимания этой семье, обязательно навещала названных родителей по праздникам, делала особые подарки. Почти такие же отношения устанавливались у молодой с домом, где пребывала и она сама перед переселением в дом жениха.

Главы этих домов также особо, по-родственному относились к молодоженам, называли их сыном и дочерью. Поэтому этот обычай

по праву занимал важное место в установлении искусственного родства, точнее в усыновлении. Помещение невесты и жениха в другие дома, ведущее к искусственному родству, было характерно и для других народов.

В установлении искусственного родства большую роль играло кормление женщинами чужих детей своим грудным молоком. Эта практика вызывалась различными причинами. В одних случаях женщины кормили чужого ребенка, когда у последнего умирала мать или тяжело болела или же долго отсутствовала дома, в других, — когда жена после развода оставляла ребенка отцу. Кормление детей, оказавшихся в таком положении, считалось богоугодным делом (зувапгъа, аллагъ учун). Выкормившую таким образом ребенка женщину называли «никъла адай» (молочная мать — дарг.), а ее ребенка, с которым он кормился одновременно — «никъла узы» (молочный брат). Браки между вскормленными одной грудью запрещались. Во многих сельских мечетях во избежание ошибок велось специальные записи подобных фактов.

Среди форм искусственного породнения через молочное кормление известную роль у некоторых народов Дагестана (рутульцы, дагестанские азербайджанцы и др.) играло взаимное кормление детей. Примечательно, что при этом женщины, обычно подруги, должны были сесть на стулья или скамейку, приложившись спицами друг к другу, и одновременно кормить ребенка друг друга. Вскормленные таким способом дети у рутульцев называли своих эмчеков (кормилиц) «нин» (мать), а ее мужа — «дит!» (отец). У азер-

байджанцев (сел. Ерси) такие дети называли друг друга «эмджек гардаш», «эмджек бажн» (брат по груди, сестра по груди). Женщины называли друг друга «дигли нин» (эмджек аня моего сына). И в данном случае браки между вскормленными таким образом не допускались.

Обратимся еще к одной форме усыновления. Она была связана с примирением кровников и поэтому занимала особое место. Известно, что народы Дагестана, как и другие народы, в отдаленном прошлом строго придерживались обычая кровомщения. Принцип «кровь за кровь» («смерть за смерть») держался так прочно, что иногда приводил к полному уничтожению одного или обоих враждующих тухумов — сжигались дома, посевы, угонялся скот, разорялось все имущество. Адаты отдельных обществ содержали специальный раздел, санкционирующий такую расправу. Эти адаты, хотя в значительно трансформированном виде, сохранились и в изучаемый нами период. Если в глубокую старину кровная месть могла быть направлена на любого из членов тухума убийцы, то в изучаемое время кровным врагом чаще всего объявлялся сам убийца и обязанность мести за убитого лежала только на ближайшем родственнике¹². Более того, кровомщение обычно заменялось выкупом — «алым» (кум.). «дият» (араб.). Дият считался полной ценой крови, а следовательно, его принятие означало согласие потерпевшей стороны простить убийцу; алым же — только умиротворение, облегчение участи виновной стороны.

Адаты многих обществ в XIX в. одновре-

менно предусматривали целую систему выкупов и примирений, а также практику высылки убийцы в другое общество — в «канлы» — на определенный срок¹³.

Большую роль в прекращении вражды и преследования тухума убийцы играли обряды примирения. Еще до похорон жертвы тухум убийцы должен был возбудить ходатайство перед общественностью аула и его старейшинами (в феодальных владениях с участием феодала) о предварительном примирении сторон и передать материальное вознаграждение как от семьи убийцы, так и от его родственников.

Первым существенным актом примирения являлся обряд «лицезрения». В назначенный старейшинами аула час, по возможности еще до похорон погибшего, сторона убийцы в полном составе, под охраной общественности выходила на заранее установленное место, обычно на аульную площадь. Затем на это место почетные лица приводили родственников убитого. Оба тухума становились лицом к лицу в 40—50 шагах друг от друга. Между ними размещались организаторы примирения — почетные люди аула во главе с кадием, муллою и бием. Кадий обычно призывал тухум жертвы не терять самообладания и быть снисходительным к лицам, не причастным к преступлению и т. д. Обряд заканчивался чтением кадием и всеми присутствующими 12-ой суры Корана — «Альгьам» или «Фатима». Исполнение обряда «лицезрения» на площади означало прекращение «погони за врагом» и было серьезным шагом на пути к примирению. Окончательное примирение с убийцей и

его тухумом происходило по истечении установленного срока изгнания (канлы) и возвращения его в свой аул.

Обряд примирения с убийцей у всех народов Дагестана в своей основе был единым¹⁴. Он обычно происходил во дворе убитого или на аульной площади, куда собирался весь тухум. Туда и вели убийцу, который шел впереди процессии, обросший волосами, с длинной бородой¹⁵, босиком, в старой одежде, засучив рукава, подтянув штанины до колен, с опущенной головой и отрезом белой бязи на шее (на саван). Приближаясь к дому своей жертвы, он вставал на четвереньки и полз, почти касаясь лбом земли. Эта поза позволяла любому из родственников жертвы прикончить тут же убийцу. У тиндалов (сел. Тинди), например, «придя к тухуму убитого на площадку или низкую крышу дома, кровник останавливался на расстоянии 10 шагов и поворачивался спиной к тухуму своей жертвы, символизируя этим, что он готов быть на месте убитого, если кто-либо хочет убить его. Однако, по обычаю, все завершалось миром. Кровника сперва приводили к отцу убитого. Если его не было в живых — к дяде, старшему брату, чтобы он простил первым, сказав «прощаем», сняв прядь волос с головы кровника. В некоторых салатавских обществах аварцев (Гуни, Буртунай и др.) отец (дядя), произнося слово «прощаем», снимал прядь волос с правой стороны головы кровника и затем во всеуслышание говорил: «С сегодняшнего дня ты мне сын вместо убитого тобой». Усыновленный публично таким образом кровник после этого должен был подойти

к матери убитого, которая, обнажив свою грудь, давала прикоснуться к ней губами. После этого усыновленного кровника сажали на табуретку, и тогда другой близкий родственник убитого сбрасывал ему волосы с головы и бороду, прекращая тем самым траур. Здесь же было принято снимать с него траурную одежду и надевать на него новую. Как усыновленного, даже оставляли его ночевать¹⁶. Усыновление кровника подобным образом, т. е. «кормлением грудью» (эмчек эмдирил), по сведениям информаторов в прошлом имело место и у северных кумыков (Костек, Аксай)¹⁷, ногайцев и др. У лакцев (сел. Кумух и др.) при обряде примирения мать убитого «пропускала через свою рубашку» убийцу¹⁸, этот обряд символизировал его «рождение». С этого времени он как бы становился ее сыном. После акта примирения все представители двух тухумов называли друг друга «кровными братьями» («къан къардашлар» — кум., «бидул вацал» — авар.). Убийца также считался «кровным братом» или «братом по крови» родственников убитого и как таковой принимал самое активное участие в событиях жизни этого тухума. В 1981 г. в сел. Мехельта Гумбетовского района Мусалав Ханмагомедов (1892 г. р.) нам рассказывал о случае, когда один житель сел. Цунди того же района, убив одного из 5-ти братьев, после акта примирения сам стал им вместо убитого брата.

«Мой отец, брат убитого сельчанина, — свидетельствовал наш информатор из Буртунай М. Голоев, — женился на моей матери, на тетке убийцы и заменил его детям отца».

Вообще надо сказать, что между сторонами бывших кровников браки одобрялись. Требовать невесту мог тухум убитого (как бы взамен убитому) из тухума убийцы. В этом случае факты отказа рассматривались как неуважение к пострадавшему роду. У тиндалов был даже обычай, согласно которому для укрепления связей тухум убийцы выдавал замуж дочь за представителя пострадавшего тухума. И у кумыков дружественные отношения после примирения нередко также закреплялись выдачей замуж девушки в пострадавший род.

Как известно из сравнительно-этнографических данных, в основе усыновления кровника лежало восполнение потерпевшей группе понесенной ею потери. Ту же цель имела отдача потерпевшей группе девушки-невесты, которая, как предполагалось, восполнит утрату, родив мальчика. Отмеченное нами параллельное бытование обоих обычаев в Дагестане представляло собою смешение обеих древних норм.

В целом же обычай усыновления был на Кавказе широко распространенным явлением и практиковался в разных случаях жизни. Н. Данилевский, например, писал, что обычай усыновления путем прикосновения усыновляемого к груди усыновительницы практиковался и среди взрослых «для взаимной политической связи». Для этого устраивался, как он пишет о черкесах, пир, «во время которого усыновляемый прикасается губами к груди будущей матери — жены усыновителя. Оба дома после этого считаются в неразрывном священном союзе»¹⁹.

«Кроме атальчества, связывающего семейства воспитателя и воспитанника, есть еще другого рода связь, не менее священная — усыновление», — писал Ф. И. Леонтович о тех же черкесах, указывая на разновидность этого обычая. «Лицо чужого народа или чужого общества, — отмечал он далее, — переселившись в один из черкесских народов и желая остаться там навсегда, желает быть усыновленным одним из семейств того аула, в котором поселилось. Глава семейства, призвав к себе приемыша, в присутствии всех, обнажает жене своей грудь, а приемыш устами дотрагивается до груди. Этим символом глава семейства дает знать присутствующим, что приемыш был вскормлен грудью его жены и считается отныне сыном в семействе. Усыновление делается очень редко; оно считается священной связью и налагает на приемыша те же обязанности, какие имеет сын к отцу»²⁰.

По некоторым сведениям, подобные обычаи имели место и в Дагестане, особенно когда представители бедных тухумов переселялись в чужие аулы.

Бытовал в Дагестане и обычай усыновления тухумами взрослых людей, искавших покровительства у сильных родственных групп. Происходило это по-разному.

«У татар, — писал М. М. Ковалевский о тюркоязычных народах Дагестана, — обряд усыновления ограничивался производством наипростейшей церемонии, в которой совместная молитва и угощения играют главную роль. Лицо, вновь вступающее в тухум, обязательно должно устроить пиршество всем членам усыновляющего его рода»²¹.

Глава III

ПОБРАТИМСТВО И ПОСЕСТРИМСТВО

Одной из форм искусственного родства, характерного для народов Дагестана, являлось побратимство¹. Связанный своим происхождением еще с доклассовым и раннеклассовым обществом, данный социальный институт устойчиво сохранился и в более поздний период и широко бытовал даже в XIX-начале XX в. Особенно широко он бытовал у ногайцев², у которых в побратимство нередко вступали даже целыми семьями.

Имеющиеся в нашем распоряжении самые ранние свидетельства о бытовании обычая побратимства и посестримства относятся к XVII в., когда в письменных источниках появляются термины «названный брат», «названные братья». Так, шамхал Тарковский Сурхай в письме терским воеводам (1645 г.) отмечает, что убитый в одном из «ратных боев» Кудайнат (черкесский или брагунский князь) был его названным братом, и он «на драке умер».

Суть побратимства и посестримства заключалась в том, что двое (иногда несколько)

обычно молодых людей, чаще мужчин, принадлежавших к разным родственным группам (тухумам) или даже к разным национальностям, после долгой дружбы, после больших испытаний заключали между собой дружественный союз. В основе таких союзов обычно лежало стремление лиц или даже целых семей еще более укрепить дружбу, связать свои судьбы навечно или же начать дружить таким образом, чтобы можно было рассчитывать на взаимную поддержку по типу отношений близкого кровного родства. О таких отношениях у кумыков говорят: «Бири облес, бириси де обьме гьазир» («если один из них умрет (будет убит), другой готов за него отдать жизнь»), «жаны айрылмас кьурдашлар» («души нельзя отделить друзья»). Заключение такого союза преследовало цель создания более широких связей в неродственной среде.

Поводом к заключению дружеского или братского союза служили различные жизненные обстоятельства. В одних случаях, как уже отмечалось, к этому приводила долгая дружба, в других — случайные обстоятельства, когда один из друзей попадал в какое-нибудь трудное положение, в беду, а другой бескорыстно выручал его, оказывал ему необычную услугу, спасал, иногда даже рискуя жизнью; скажем, например, один спасал в бою другого, вынося его с поля битвы, как бывало в прошлом в жизни батыров.

Известен такой случай: во время половодья Сулака течением реки уносило двух девушек. Увидев это, молодые, ловкие юноши

по совету старших немедленно бросились их спасать, но девушки не подпускали их близко, ибо, по обычаю, парень не имел права и пальцем дотронуться до чужой девушки. Парням ничего не оставалось делать, как крикнуть утпающим: «Мы ваши братья с сегодняшнего дня!». После этого девушки разрешили вытащить себя из воды³. Этот чрезвычайный случай привел к тому, что девушки и юноши стали побратимами.

Известен и такой факт: в начале нашего века мастер серебряных дел Хаджи-Мурад из сел. Гуни Хасавюртовского округа (теперь Казбековский р-н) работал в сел. Чиркей Темирханшуринского округа (совр. Буйнакский р-н) у богача, барановода, жителя сел. Чиркей Узаира Арачина. Хаджи-Мурад изготовил для Узаира в подарок много ценных вещей из серебра (оружие, пояса, газыри, сбрую для коня и др.). Все эти изделия пришлись по вкусу хозяину. В результате они подружились и вступили в побратимство. Заключение их союза происходило с участием аульской чиркейской знати. На этих торжествах Хаджи-Мурад преподнес своему другу самое лучшее из того, что он имел: кинжал, пашку и пр. Узаир, в свою очередь, объявил, что в качестве подарка он передает побратиму корову, лучшего коня, что пока он жив, будет его снабжать всем, что требуется для стола его семьи. Так и сделал: дал корову, коня и ежегодно, осенью, посылал Хаджи-Мураду по четыре барана (хвой хъари), по кругу овечьего сыра (в 20—24 кг). Побратимы были молоды, женаты; ходили друг к другу в гости. Много времени прошло, Хад-

жи-Мурад умер, Узаир же был раскулачен и сослан. Когда он вернулся из ссылки, у него не было ни дома, ни двора и негде было ему жить. Тогда он пошел к сыну побратима, сыну Хаджи-Мурада, в сел. Гуни и жил у него, как у сына «вацльи раглен гъаби» (бука. «брата по договору»)⁴.

В том же селении Гуни Казбековского р-на рассказывали о факте, происшедшем в 20-х годах нашего столетия. У женщины по имени Салимат случилось очень трудные роды. В селении не было медработника, некому было оказать ей срочную помощь. Тогда сельчане вспомнили чабана по имени Исахан, который спас не одну овцематку во время окота. Исахан действительно помог роженице, вытащил ребенка из утробы матери и тем самым спас и мать, и ребенка. После этого случая Салимат и Исахан объявили друг друга названными братом и сестрой и стали выполнять все обязанности брата и сестры. Этот акт побратимства и посестримства они отметили торжественно, с приглашением близких людей, перед которыми дали клятву верности братству.

В старину, как гласит предание нижнехваршинцев, частым был обычай побратимства между жителями Нижнего Хварши (Цумадинский р-н) и Дикло (Тушетия, Грузия).

Так, согласно традиции, житель сел. Нижнее Хварши по имени Халаков побратался с тушинцем Лазарем. Процесс этот сопровождался определенной церемонией. Вино смешивали с кровью побратимов, разливали в рога, затем обменивались ими и выпивали

содержимое. После этого дарили друг другу кинжалы, сабли, огнестрельные оружия и т. д. Рассказывают, что тушинец подарил Халакову булатный клинок, Халаков, в свою очередь, подарил своему побратиму Лазарю коня под серебряным седлом.

Существует также предание о долгой дружбе названных братьев хваршинца (Эскиа) и тушинца. Хваршинец потом якобы навсегда поселился в Тушетии.

В селениях Аксай, Костек, Эндери и др. иногда просивший заключить родственный союз сосал грудь (эмчек) матери побратима⁵.

Сохранилось предание о том, как в конце XIX или в начале XX в. два друга, узнав об убийстве каким-то уголовником по имени Митилий отца их товарища, решили вместе отомстить убийце. Они пошли к своему товарищу и предложили свои услуги в преследовании убийцы. Все трое, по адату, совершили обряд побратимства и, выпив молока, перемешанное с каплями крови друг друга, объявили себя братьями и поклялись мстить за кровь отца. Двое из них во время перестрелки были убиты, в том числе и родной сын убитого Зиявутдин; оставшийся в живых один из троих, похоронив друзей, долго искал убийцу «отца» и узнав, что тот скрывается в Турции, поехал туда и убил его⁶.

К побратимству нередко прибегали и одинокие парни и девушки, у которых не было родного брата (сестры), чтобы приобрести поддержку, получить защиту в случае обиды со стороны, ощутить внимание и заботу. «У меня был побратим по имени Абдулла Джамуков из вашего селения, — говорил инфор-

матор Эльмурзаев Али (1906 г. р.) из сел. Какашура. — Я пригласил близких мне и ему людей и объявил, что хочу сделать его своим побратимом. Абдулла согласился. Все одобрили наше решение, и мы стали названными братьями. Жизнь показала, что я не ошибся — Абдулла стал для меня дороже единокровного брата. Он понимал меня и помогал, ощущал мое настроение. Все у нас было на братских началах, даже наши жены дружили. Однажды во время болезни, зимой, я захотел съесть хинкал, со свежим мясом. Он пошел домой, зарезал свою телку и принес свежее мясо. Так мы жили, как говорят, душа в душу, пока он не умер в 1979 году»⁷.

«У нас был сосед по имени Мухтар. — рассказывала в 1980 г. 80-летняя жительница из сел. Стальское Кизилюртовского р-на Зайнаб Аджиева. — Ему было лет под сорок, он объявил, что хочет меня видеть в качестве сестры. Мне было тогда 20 лет. Он дружил с сыном моего дяди и хорошо знал нашу семью. Он собрал всех своих и объявил, что я ему сестра и справил мне полный комплект одежды. С тех пор до его смерти я стала относиться к Мухтару как к родному брату, оказывала все знаки внимания и уважения. Он тоже постоянно проявлял заботу обо мне и о моих детях».

По словам Ахмеда Ахмедханова (1897 г. р.), в побратимство в сел. Миатли вступали два друга, две семьи, два влиятельных в обществе человека⁸.

Примечательно, что, судя по эпосу, в роли побратима выступал иногда и побежденный в бою противник или добровольно присоеди-

нившийся к батыру воин А. Неверовский, многие годы служивший на Кавказе, отмечает в статье «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан...», что побратимство могло здесь возникать после примирения кровников. «Примирившиеся почитаются после того кровными братьями и клянутся на Коране быть верными друг другу» (Военный журнал, СПб. 1847, № 5, с. 52).

Пожелавшие быть побратимами совершали определенный обряд, который у разных народов Дагестана назывался по-разному, в основном описательно⁹. У кумыков, например, по свидетельству старейших информаторов, ритуал «анд ичив», т. е. акт заключения побратимства, происходил следующим образом: в пиалу с молоком каждый из побратимов выжимал из пальца несколько капель крови, и тут же над пиалой они давали клятву (анд) стать отныне братьями, до конца жизни помогать друг другу во всех случаях жизни, разделять радости и горе, мстить врагу. Завершался ритуал питьем по очереди из пиалы молока, смешанного с кровью. Это означало, что отныне в жилах побратимов будет течь единая кровь. Обряд смешивания крови из пальцев (обычно из мизинцев) при акте побратимства бытовал и у некоторых других народов Дагестана, в частности у предгорных даргинцев¹⁰.

Эта обрядовая процедура соблюдалась лишь при вступлении в побратимство мужчин. При обряде посестримства его не практиковали.

У разных народов этот ритуал имел свои локальные варианты. В адатах бежтинцев,

где этот обычай был известен под названием «уджира», например, указывается, что «побратимство устанавливается питьем из одной чаши, в которую наструтали серебро»¹¹. Опустив серебряную монету в чашу, пили воду иногда и у других горных и равнинных народов.

Бежтинский обычай несколько напоминает порядок, бытовавший у чеченцев и ингушей. Здесь побратимы «троекратно пили из чаши, куда старший из них опускал серебряную монету, после чего клялись быть братьями»¹².

В честь заключения отношений побратимства обычно устраивали торжества с обменом ценными подарками, чаще личными вещами (бурками, газырями, кинжалами, папахами и др.).

В ауле Кутлаб и в некоторых других аулах тляртинцев в теплое время года по этому случаю люди собирались в поле, где совершался обряд вацльи (братство) и происходили торжества, посвященные этому событию. Почти повсеместно обряд побратимства сопровождался клятвой на Коране, а также чтением кем-нибудь из старших суры Корана — Альгам.

По всей вероятности, обычай побратимства в форме питья «анд», или «питья клятвы», был широко распространенным явлением и имел глубокие исторические корни. Описываемая обстановка в Туркестане в период владычества здесь монголов, В. В. Бартольд отмечает, что в 1269 г. во время Курултая (съезда), решив положить конец междоусобице, все царевичи «назвали друг друга андами, обменялись одеждой и, по тюрко-монголь-

скому обычаю, «пили клятву», т. е. обменялись друг с другом кубками и этим поклялись друг другу в неизменной верности»¹³.

Указывая на существование у древних монголов института побратимства, Б. Я. Владимирцев писал: «Два лица, обычно принадлежащие к разным родам..., заключают между собой союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся андами, «названными братьями» — таков древний монгольский обычай»¹⁴.

Б. Я. Владимирцев при этом приводит «толкование» Темучина и Чжамуха из древнего произведения монгольской литературы — «Сокровенного сказания» (1240): «Старые люди говорили, что когда делается анда, то оба друга имеют как бы одну жизнь: один другого не покидает и бывают они охраной жизни друг друга»¹⁵. «В действительности от двух анда, — пишет Б. Я. Владимирцев, — не требовалось обязательно жить вместе, анда должны были только поддерживать друг друга и помогать друг другу, точно члены одного и того же овоха — рода»¹⁶.

Во время найманского побища спрашивают у Чжамуха: кто же это едет, выделавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол? Чжамуха им отвечает с гордостью:

Тот, кто перед ним несется один,
То побратим мой, анда Темучин,
Снизу до верха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглоу укол не грозит,
Это — мой друг, мой анда Темучин...¹⁷

Согласно «Сокровенному сказанию», в числе обмененных подарков Темучина и Чжамухи были золотые пояса и кони: Темучин опоясал Чжамуху золотым поясом... и посадил его... на кобылу. А Чжамуха опоясал анду Темучина золотым поясом... и посадил... на коня...¹⁸. Затем они на южном склоне Хуядахаркуна... под развесистым деревом устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью, по обычаю, спали под одним одеялом.

В изучаемое время в Дагестане, как и на всем Кавказе и за его пределами, побратимы, разумеется, также не должны были жить вместе, они лишь обменивались одеждой, папахами, кинжалами, предметами личного пользования, и все это делалось в торжественной обстановке в целях укрепления дружбы и взаимопомощи.

Судя по материалам фольклора, и у кумыков в прошлом были факты, когда в качестве подарка один из побратимов давал другому коня:

Аргъумакъ берип дос тутдум,
Аврвун алын кьардашны

(отдав скакуна, приобрел я друга, но не сравнить его с родственником по крови), — говорит один кумык, разочарованный в своем названном брате.

В ряде случаев побратимство сопровождалось не питьем «анда», а обрядом, согласно которому побратимы должны были коснуться губами груди матерей друг друга — «эмчек эме» (букв. «сосет грудь») или просто «эме» («сосет» — кум.).

Правда, М. М. Ковалевский во время пребывания в Дагестане этого обычая здесь не обнаружил. «Наряду с естественным потомством, дагестанцы допускают также искусственное, источником которого является усыновление, но институт этот мало развит в их среде. Особых обрядов, напоминающих те, какие мы встречаем у других горцев Кавказа, например, осетин, как то: прикосновения к груди жены усыновителя или собственной груди, дагестанцы не знают». Но этот порядок все же существовал, хотя чаще практиковался у северных (засулакских) кумыков. Если побратимство совершалось по этому типу, то и родители побратимов соответственно становились названными отцами и матерями¹⁹. Были и другие формы побратимства. Известна, например, у дагестанских азербайджанцев практика, когда две женщины, не состоявшие в кровном родстве, но пожелавшие породниться, кормили грудью детей друг друга. Такие дети назывались братьями по груди — «эмчек гьардашлар», «эмчек кызгьардашлар» (сестры по груди). Такие формы искусственного родства Б. Далгат, очевидно, имел в виду, когда сообщал «родство всегда бывает по крови или по молоку»²⁰.

В заключение отметим, что браки между побратимами (названными братом и сестрой), а кое-где и другими членами шоронившихся семей, строго запрещались.

Все эти формы породнения в конечном счете, как было отмечено выше, преследовали цель создания более широких связей и дополнительных родственных отношений. Бывало, что в побратимство молодые люди иногда

вступали на свадьбе или во время других семейных или общественных торжественных событий, особенно часто во время булкба — общественной взаимопомощи (жатве хлеба, сенокосе и т. д.).

Во время коллективной работы по трепанию шерсти, по очистке кукурузы в домах родственников и соседей, например, собирались аульские девушки. Туда же, по обычаю, приходили и юноши повеселиться, побеседовать с девушками. Такие сборища были и местом выбора невест. Бывало, что в разгар общей работы и веселья в дом приходила новая партия парней, которая по обычаю должна была обратиться к присутствующим со словами «ерукь», что означало просьбу уступить им место. Если этот обычай не соблюдался, возникала конфликтная ситуация. Уходящие парни могли объявить ту или иную девушку своей сестрой, сказав «ты мне отныне сестра, до свидания»²¹, особенно в тех случаях, если последняя проявляла интерес к другому юноше или сам парень был увлечен другой девушкой. Такая фраза означала лишь стремление парня дружить с данной девушкой, а не жениться на ней. Так парень и девушка могли как бы вступить в отношения побратимства.

При самых разных формах проявления побратимства имело общую суть. Она заключалась в том, что оба друга (или несколько друзей), принявших клятву верности, должны были оказывать взаимную поддержку и помощь (материальную и моральную) и нести ответственность перед обществом за поступки друг друга. Если в семье одного из них празд-

новалась свадьба — другой принимал самое активное участие в ее организации, вносил свою долю в расходы по торжеству (в кадым, в угощение и т. д.). У лакцев семья названного брата («дус») нередко брала на себя даже все расходы по свадьбе побратима²². Такие же обязанности дус выполнял по отношению к семье друга, если кто-нибудь у того умирал или был убит. Он носил глубокий траур по умершему, принимал соболезнование от посетителей наравне с родными братьями и сыновьями, а если кто-нибудь из членов семьи друга был убит и не было близкого человека, который мог бы отомстить за него, он должен был принять эту ответственность на себя. Если названный брат умер, он должен был окружить вниманием его семью, выполнить сыновние обязанности перед отцом умершего друга. Побратим, очевидно, имел и право на наследование имущества умершего друга или его отца, однако только в случае, когда не было прямых потомков мужского пола. Не случайно у лакцев побратим назывался недолевым братом, т. е. братом, не имеющим права на паи при разделе имущества. Представители старшего поколения сохранили в памяти много фактов, когда названный брат брал на себя обязанности воспитания осиротевших детей своего побратима или названной сестры.

Как при многих других формах искусственного родства, браки между побратимами (девушкой и юношей), а также между всеми членами двух семейств, как было отмечено, запрещались. Брачные запреты в таких случаях особенно строго соблюдались у кумы-

ков. Кормилица с ее детьми и мужем считаются в полном смысле родственниками, за исключением прав на имущество ребенка. «Брак запрещается не только между молочными братьями и сестрами, но и между их родственниками до 3-го поколения (по шариату). Это вошло в адат», — писал о даргинцах Б. К. Далгат²³.

«Молочные братья с их родственниками по отношению друг к другу несут обязанности защиты и покровительства, и если у одной стороны есть кровники, то они для другой считаются таковыми», — отмечал он далее там же.

Судя по источникам, заслуживающим полного доверия, в Дагестане, как и у многих других народов Северного Кавказа²⁴, существовали и коллективные присяжные братства. Первые упоминания о существовании данной формы искусственного родства у кумыков мы встречаем в работах авторов первой половины XIX в., а именно у М. Б. Джбанова-Ростовского (1846 г.)²⁵ и Д.-М. Шихалиева (1848 г.)²⁶. Их возникновение здесь было связано с усилением антифеодальной борьбы в кумыкском обществе, с необходимостью коллективной защиты народа от феодальной эксплуатации.

Часть «салаузденой, преследуемая князьями, — пишет Лобанов-Ростовский, — вступила в присяжное братство с собственными их чагарами и тем избежала истребления, предстоящего ей от сильных врагов»²⁷, т. е. крупных феодалов. «Салауздени, представители аристократии, из собственных выгод и для увеличения своего могущества, — писал

Д. М. Шихалиев о тех же северных кумыках, спустя два года после М. Б. Лобанова-Ростовского, — соединены были с чатарами, представителями народа, присяжным братством и в свою очередь также неотомимо и повсюду преследовали своих врагов»²⁸, т. е. князей. Разумеется, такой союз представителей разных сословий не мог быть долговечным, но мог быть успешно использован дворянством (салаузденями) в своих интересах.

* * *

Суммируя приведенные выше данные, мы видим, что аталычество в Дагестане, как и на всем Кавказе и даже за его пределами, представляло собой весьма сложное социальное явление. Оно развивалось вместе с развитием общества, и вместе с изменением последнего меняло свои формы и содержание. Как показали исследования таких известных кавказоведов, как М. М. Ковалевский, М. О. Косвен, В. К. Гарданова, Я. С. Смирнова, А. И. Першиц и др., аталычество постепенно трансформировалось. «Феодализм, — писал, например, М. О. Косвен, — не только сообщает аталычеству особые черты, но придает ему новое, совершенно иное содержание»²⁹. Как и любой другой социальный институт, аталычество представляло собой определенную систему правовых и моральных норм, установок, обычаев, которые обуславливались характером общественных отношений. В силу этого каждый исторический этап вносил в этот институт свои коррективы —

менялось содержание обрядов, возникали новые формы их организации.

Согласно существовавшему феодальному обычаю, как отмечалось выше, знатный бий (ущий, шамхал, хан, бек) обязательно должен был воспитывать своих детей до определенного возраста в чужой семье. Он мог отдать своих детей или внуков в семьи своих вассалов (шукеров и других первостепенных узденей). Характеризуя связи между князьями и салаузденями на Кумыкской плоскости через аталычество, М. Б. Лобанов-Ростовский писал: «Эти два сословия, никогда не вступающие в родственные связи, недозволенные законом Кумыкским, при неравенстве состояний, сближались узам, которые у кабардинцев и у кумыков почитаются едва ли не сильнее самого кровного родства»³⁰.

Дети первостепенных узденей воспитывались в семьях рядовых общинников. Последние, в свою очередь, нередко прибегали к отдаче детей на период кормления грудью на сторону. Последнее явление, хотя и было взаимосвязано с аталычеством, не обставлялось тем не менее особыми обрядами. Кормилица лишь получала определенную плату за свой труд и по истечении времени возвращала ребенка родителям.

По обычаю, аталык князя или первостепенного узденя должен был быть обязательно человеком материально состоятельным, с точки зрения феодальной морали безупречным в быту, влиятельным в обществе, способным дать ребенку надлежащее воспитание и обучение, знающим этикет — правила поведения в высшем обществе. Чем знатнее был

феодалный владетель, тем выше и строже были требования к аталыку. Обычай воспитания детей феодалов в семьях подвластных им дворян и крестьян распространялся как на мальчиков, так и на девочек, причем срок пребывания их в доме аталыка колебался от 6 — 8 до 12 — 15 лет, т. е. до совершеннолетия.

Следует обратить внимание на упоминание М. Б. Лобанова-Ростовского о наличии еще одного вида наставничества «со стороны узденей над княжескими сынозьями, но уже взрослыми». «Детей своих, — писал он, — когда они вступали в возраст и начинали выезжать в поле, князья препоручали тому из узденей своих, на которого более полагались: быть пестуном молодых господ составляло верх почести для старого служителя».

Трудно определенно сказать, идет ли здесь речь о тех же аталыках, воспитавших детей князя, или это был совершенно другой уздень из приближенных владетеля. Думается, что могло быть и то и другое. Обычно же аталыки являлись не только воспитателями молодых княжеских детей, но и наставниками их в течение всей своей жизни.

Аталычество в несколько измененной форме было характерно и для периода феодальной раздробленности и междоусобиц, когда каждый знатный владетель старался иметь побольше лично преданных людей, своих приверженцев, способных защищать его интересы. В изучаемое время (XIX-начало XX в.) аталычество начинает ослабевать, что проявляется не только в сокращении сроков пре-

бывания ребенка в доме аталыка, но и утере ряда важнейших функций аталычества.

Более того, во второй половине XIX в. аталычество перестает быть обязательным для первостепенных узденей. На меньший срок воспитания отдаются девочки из знатных домов. Для всех категорий феодальной знати срок пребывания у аталыка постепенно сокращается до 2—5 лет. Многих детей теперь отдают в чужой дом только на время кормления. Все воспитательские функции осуществляются в доме родителей. Однако даже после крестьянской реформы в Дагестане (1865 — 1867 гг.) и освобождения рабов и чагаров от зависимого положения феодальная знать продолжает пользоваться многими сословными правами и привилегиями, в частности, навязывать крестьянам обязанность брать детей на кормление (в своем доме или в доме феодала), тем самым сохраняя их зависимое положение.

Сравнительный анализ данных по разным феодальным образованиям Дагестана дает основание полагать, что аталычество в своей более развитой форме шире и дольше сохранялось у кумыков, особенно в быту засулакских князей и первостепенных узденей. По всей вероятности, причины более стойкого сохранения и процветания аталычества здесь объяснялись сравнительно высоким уровнем развития в этом регионе феодальных отношений и его институтов, а также традициями тюркско-монгольской семьи народов. В других районах Дагестана аталычество раньше теряет свое значение, хотя и сохраняется в качестве пережитка.

Аталычество, иными словами, являлось одной из форм укрепления сюзеренно-вассальных связей, способствовало росту влияния феодала, расширению его опоры среди состоятельной части общества, а вассал, благодаря своему положению воспитателя, пользовался поддержкой своего сюзерена.

Кавказское, в том числе дагестанское, аталычество имело много сходных черт с этим обычаем у других народов, в частности крымских татар, монголов и других. «Нельзя не обратить внимания, — писал Б. Я. Владимирцев, характеризуя общественный строй монголов XIV — XVII веков, — на то, что довольно часто дети сюзеренов воспитывались не дома в ставках своих родителей, а у их феодальных вассалов... Большие сеньоры отдавали на воспитание своих детей по двум мотивам: 1) хотели этим теснее связать вассалов с собою и со своим потомством; 2) создать условия, при которых дети их могли бы подрасти с меньшим риском гибели в малолетстве, проживая в разных местах и вдали от ставки сюзерена, которая всегда могла подвергнуться нападению... С другой стороны, феодальные сеньоры смотрели на воспитание детей (больших сюзеренов в их домах как на одну из обязанностей верного вассала. И часто могло случиться, что благодаря положению воспитателя вассал получал большое преимущество перед другими»³².

В заключение еще раз отметим, что социальная сущность аталычества, характер и содержание воспитания наследников определялись условиями самой эпохи, особенностями

ми общественно-экономического развития народа, у которого бытовал этот обычай.

В период феодализма, особенно в условиях политической раздробленности и междоусобиц, отсутствия общего централизованного управления, дагестанские владетели, подобно другим феодалам на Северном Кавказе,³³ с помощью аталычества приобретали себе значительную социальную опору среди широкого круга узденей. Таким путем семья феодалов получала новых преданных ей вассалов, а семья аталыков — сильных сюзеренов. Аталычество, как отмечают исследователи, «укрепляло и расширяло иерархическую структуру феодального общества»³⁴.

Впоследствии, особенно после ликвидации феодальной раздробленности и создания в Дагестане централизованного управления, аталычество постепенно утратило свою былую социальную роль. Этому способствовало и развитие в это время других социальных и культурных институтов воспитания. Окончательно институт аталычества исчезает в начале XX-го в., после установления Советской власти, т. е. с полным исчезновением своих экономических и социальных основ.

В то же время другие формы искусственного родства (побратимство и др.), напротив, получают свое дальнейшее развитие, хотя и в иной форме. Это объясняется большим значением таких ценностей, как дружба, товарищество, взаимная поддержка и др. Наши этнографические материалы свидетельствуют, что в настоящее время бережно сохраняются и даже в ряде случаев укрепляются связи, издавна сложившиеся через институты аталы-

чества и побратимства. Так, отвечая на вопрос, сохраняются ли вообще и если да, то в какой мере, связи с родней бывших аталыков (эмчеков), информатор Реведе Капланова отвечала: «Мы строго соблюдаем порядок бывших родственных по своей сути двухсторонних отношений. Я могу перечислить, — сказала она, — до 100 человек, с которыми поддерживаются былые связи, особенно по таким важным событиям жизни, как свадьба, рождение детей, похороны и др.».

Анализируя приведенные выше данные об искусственном родстве у народов Дагестана, можно прийти к заключению, что оно представляло собой довольно сложное явление и имело много форм и разновидностей; бытование той или иной формы зависело от конкретных условий развития общественных отношений, от традиций, уклада жизни народа. Все эти формы породнения в конечном счете преследовали цель создания дополнительно к семейным, кровнородственным отношениям условий для расширения взаимных связей, поддержки и широкой благотворительности. Известная кавказская классическая форма аталычества с отдачей ребенка в чужую семью на большой срок в XIX-начале XX в. стала встречаться сравнительно редко, заменяясь другими формами позднего типа в виде опеки, патроната, наставничества. Однако побратимство и некоторые другие формы породнения продолжали сохраняться более стойко, хотя и видоизменяясь, теряя былое функциональное значение. Словом, каждая историческая эпоха вносила в эти институты свои изменения и дополнения. Лишь на послед-

нем этапе развития искусственного родства, как отмечает Я. С. Смирнова, «...в подавляющем большинстве его форм ничего не осталось от прежних функций, которые в новых социально-экономических условиях потеряли всякий смысл»³⁵.

Подводя итоги нашему исследованию, еще раз отметим, что изучаемые нами институты играли важную роль в жизнедеятельности общества в целом и каждой семьи в отдельности. В частности, ощутимой была их роль в становлении местной системы воспитания и развитии гуманитарных ценностей.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Приложение

СВЕДЕНИЯ, СОБРАННЫЕ ОТ ИНФОРМАТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гайдарбеков Гамзат (1890 г. р.), сел. Хунзах Хунзахского р-на. «Аварские ханши еще в наше время передавали на кормление детей в другие семьи. Женщину-кормилицу называли «рахьдал эбел» («молочная мать»), а воспитанника — «рахьдал вац» («молочный сын»). На кормление передавали преимущественно в бедные семьи, в которых был ребенок грудного возраста. Отдавали и в селения, где жили потомки рабов (Ках, Хини и др.). Об оплате специально не договаривались, но ханы, беки щедро сами одаривали семью кормилицы (дарили лошадь, корову, одежду, ткани и др.). В доме воспитателя ребенок оставался 2—2,5 года, пока не научится говорить. Мальчиков в прошлом оставляли у воспитателя до 10 — 15 лет. Никаких торжеств по случаю возвращения воспитанника в родительский дом не устраивали. От отца слышал, что молочные братья детей ханши Бахубике отомстили Гамзату за убийство последним Баху и ее сыновей Умалата и Нуцалхана. Мать Хаджи-Мурада—кормилица Нуцалхана — была Залму».

Локалов Муртуза (1890 г. р.), сел. Хунзах Хунзахского р-на. Информатор почти повторил сообщение Гайдарбекова, дополнив его сведениями о том, что ханы Аварии вообще не отдавали на кормление девочек.

Абдурахманов Моду (1894 г. р.), сел. Дылым Казбекского р-на. «Между засулакскими кумыкскими князьями и нашими аварцами всегда существовали хорошие отношения. Кумыкские князья нередко отдавали своих детей на воспитание салагавским аварцам. В конце XIX в. в сел. Дылым у крестьянина Джамалул Али (жена Чакар) воспитывался сын князя Нуцал-хана из сел. Эндери Хасавюртовского округа Арсланбек. По воспоминаниям старожилов, младенца привезли сюда на третий день после его рождения. Но перед этим Чакар, жену аталыка, затребовали в Эндери (он Эндери называет «Индир»), чтобы проверить жирность ее грудного молока. После проверки (люди говорили, что она накануне выпила много масла) признали ее подходящей кормилицей. У Чакар к этому времени умер собственный ребенок, и она была свободна. Говорили, что Арсланбек воспитывался в этой семье около 10 лет и на всю жизнь сохранил к ней любовь и привязанность. Во время гражданской войны, когда Арсланбеку было примерно 45—50 лет, он переселился в дом своего эмчека, спасаясь от преследования новых властей. В это время он был офицером царской армии и служил при Хасавюртовском окружном управлении. Его кормилица умерла в 100-летнем возрасте. За воспитание своего сына, по словам односельчанин, князь выделил эмчеку большой земель-

ный участок Боюн, расположенный рядом с землями эндерийских князей. Кроме того, он периодически одаривал эту семью скотом, зерном. Отец Арсланбека Нуцал при возвращении своего сына домой подарил обществу Дылым земельный участок для общего пользования. Большие земельные владения Нуцала и его брата Салава располагались недалеко от наших земель, и мы брали у них участки в аренду.

Свою кормилицу Арсланбек называл «харай эбел» («кормившая мать»), ее мужа «рахьдал эмен» («отец»), всех родственников аталыка — «Пагарлыи» («кормившая родня»). Семья же аталыка называла воспитанника просто сыном «вац». В семье аталыка к Арсланбеку относились с большой любовью, как к родному сыну, уделяя ему особое внимание. Говорили, что и кормилица отца Арсланбека, Нуцала, тоже была аварка, из сел. Инхо (Гумбетовского района), но переселившаяся в сел. Дылым».

Алибекова Сельминаз (1866 г. р.), сел. Рукель Дербентского р-на. «В прошлом почти все беки отдавали своих детей на кормление в крестьянские семьи. Отдавали не только мальчиков, но и девочек. Бек Пашабег, например, отдал свою новорожденную дочь на эмджек в семью Умалата, из нашего селения Рукель. Его жена Муслимат кормила и воспитывала ее в течение 2-х лет, а потом вернула в родительский дом. Умалат был умный, рассудительный человек, пользовался уважением среди односельчан. Жена также пользовалась уважением и отличалась большой общительностью. Беки обычно выбирали эмджеков в своем селении,

но бывали случаи, когда обращались в другие селения к тем людям, кому могли доверить это ответственное дело. Пашабег постоянно помогал семье эмджека зерном, скотом, да еще выделял ей участок земли и не требовал никаких податей и повинностей».

Арсланов Камиль (1906 г. р.) и **Ходжаев Ходжабек** (1906 г. р.), сел. Гимейди Дербентского р-на. «Мы слышали, что сельчанки Геркме (муж Нух) и Нина-ханум (муж Хидир) брали на кормление грудью бекских детей. Дети у них находились в течение 1 — 2 лет, пока пользовались грудным молоком. Одновременно с бекскими детьми они кормили и своих детей. И те, и другие друг друга называли «сют эмджеклер» («грудные») и «сют гардашлар» («молочные братья» или «молочные родственники»). Беки щедро одаривали своих эмджеков (кормилиц) скотом, одеждой, выделяли им землю, освобождали от податей».

Велибеков Аслан (1891 г. р.), сел. Мугарты Дербентского р-на. «В начале XX в. беки еще отдавали детей на кормление грудью. Этот обычай у нас назывался «эмджеге вете» (букв. «дают на грудь»). Инициатива исходила только от семьи бека. Претендовать на кормление грудью детей бека никто не мог. Девочек, по крайней мере в мое время, на эмджек не отдавали. Мальчиков отдавали на год-два. При этом использовались следующие термины: «эмджек эма» (кормилица), «эмджек ата» (воспитатель, отец по груди), «эмджек гардаш» (молочный брат, брат по груди). Родство признавалось лишь только в границах обеих семей. Остальные родственники

аталыка никакого отношения к воспитаннику не имели. За воспитание сына бек освобождал семью феодально-зависимого аталыка (райят) от податей и повинностей (бигар, дагъиёк), щедро одаривал ее».

Курбанова Субхани (1913 г. р.), сел. Мугарты Дербентского р-на. «Отдача детей беками на кормление и воспитание в крестьянские семьи была обязательна даже в 20—30-е годы нашего столетия. Мать моя Эсбет (отец Султан-Ахмед), в частности, брала на эмджек сына местного бека Абдуллабека, Патама. Мать кормила Гагама больше года, пока его не отделили от груди. Последнее время ребенок жил у отца, и его лишь приводили к маме для кормления грудью. Дома за ним смотрела специально нанятая женщина, которая называлась «дингизе». Родной сын матери был чуть старше бекского. Поэтому мать моя раньше отделила его от груди и кормила обычной едой. Быть кормилицей бекских детей считалось делом престижным. Кормилица и ее семья пользовались всеобщей поддержкой со стороны феодальной знати и влиянием среди народа. Кроме того, феодалы хорошо платили за труд воспитателей, дарили им одежду, скот, освобождали от податей и повинностей. Даже богатые семьи стремились взять на кормление детей беков, т. е. роль эмджека детей беков повышала их социальный статус».

Магарамов Зольфикар (1907 г. р.), **Насиров Джамал** (1909 г. р.), сел. Дарваг Табасаранского р-на. «Беки отдавали своих детей сразу с рождения на кормление грудью, а иногда и на воспитание до 6 — 7 лет в другие семьи. В начале XX в. сын дарвагского

владельца Абдуллабега Паша воспитывался в семье Эседа Гаджихмедова. Его кормилицей была жена Эседа—Фатма. Другой сын Абдуллабега Султан воспитывался в семье Дашдемира. Его кормилицей была жена главы дома Секине. В отцовские дома они вернулись по истечении 7 — 8 лет, что сопровождалось по обычаю большими торжествами. Кормилица называлась «эмджек ана» («грудная мать»), муж кормилицы «эмджек ата» («грудной отец»), братья по груди «эмджек гардашлар» и т. д. У нас аталыком назывался человек, заменивший отца, если последний умер».

Касумова Сават (1890 г. р.), сел. Рукель Дербентского р-на. «Сына сельского бека Аскербека Пашу кормила грудью и воспитывала Пержахан — жена моего брата Сафара. Это было в начале нашего века. Приходил к нам представитель от Аскербека и обратился с просьбой принять ребенка на кормление, наши согласились. Помню, как в нарядной люльке, покрытой парчой, доставили к нам новорожденного, которого, как рассказывали, кормила своей грудью родная мать только три дня. Пержахан (эмджек ана) приняла младенца с радостью, а ее муж, Сафар (эмджек ата), собственноручно поднял люльку и торжественно внес ее в помещение. Ребенок воспитывался в нашей семье 3 — 4 года. У воспитательницы был и свой ребенок грудного возраста, она кормила их по очереди. Время от времени, несмотря на то, что в доме не было недостатка и было много скота, бек посылал кормилице продукты питания. Кроме того, он дарил одежду, освобождал нашу

семью от податей, помогал деньгами. Потом бек забрал ребенка к себе домой, но без особых торжеств. Говорили, что раньше по этому случаю обе стороны устраивали друг другу «бекки гонаглык» (большой прием). Дружеские отношения между семьями продолжались долгие годы. Во всех событиях жизни обе стороны принимали активное участие.

Байрамов Алибек (1902 г. р.), сел. Аркит Табасаранского района. Свидетельствовал: в 20-е годы еще существовал порядок передачи беками своих детей грудного возраста на кормление в чужие семьи. Так, у аркитского бега Бийбалабега было 3 сына — Селим, Эльдар, Ханбала. Через три дня после рождения семья их отдавала на кормление в разные крестьянские семьи. Жена Бийбалабега Асият (лезгинка, уроженка Кураха) один или два раза в день также кормила грудью своего ребенка, для чего кормилица сама приносила дитя в дом его родителей. Брали на эмджек и состоятельные люди. Так, одного сына Аркитских — Селима до четырех или пяти лет воспитывала София, жена участкового кадия Кара-Гаджи — он был кадиом 5 селений: Аркит, Цалак, Фиргил, Ушуг, Рутул. После возвращения в дом родителей мальчик часто бывал у кормилицы, чувствовал себя в их семье как в родном доме.

Желающих взять детей бегов на кормление грудью было много, но выбирала их семья бега. Особых обычаев при передаче в дом кормилицы и возвращении воспитанника в дом родного отца в наше время не было, но за воспитание эмджеки получали от бегов большие подарки и скот (буйволицу, корову), а

муж кормилицы — еще коня. Многие эмджеки чувствовали себя привольно. Например, у Бийбалабега все хозяйство было в ведении мужа кормилицы — Кара-Гаджи, который везде выступал его доверенным лицом. Кара-Гаджи обычно присутствовал у бега за обеденной трапезой, Бийбалабег и Кара-Гаджи, кроме того, были супряжниками, вели общее хозяйство.

Эмджеком другого сына Бийбалабега — Эльдара была Каяханум, жена Нурмагомед, воспитывавшего его в течение 5 — 6 лет. Третий, младший сын бега — Ханбала воспитывался тоже в семье аркитских жителей Сулеймана и Рукия. Сулейман был сильный, смелый человек, мог выступить и против бегов. Говорили, что Бийбалабег отдал сына в его семью, чтобы расположить его к себе, для защиты от его возможных выпадов. Среди воспитателей сыновей Бийбалабега наиболее влиятельным человеком был кадий Кара-Гаджи. Он был хитрый, умный человек, прибравший к своим рукам все имущество бега и промотавший его. Девочек бега не отдавали на воспитание. Для их воспитания нанималась «дигизе» (служанка). Двор Бийбала был специально разделен на две половины — женскую и мужскую. На гуляние девочек и женщин возили на арбах в собственный сад, расположенный в 2-х км от дома. Обслуживали девушек до 20 человек, в том числе несколько пожилых женщин. Говорили, что бег всех дочерей выдавал замуж за своих нукеров. Даже жениться на бывших женах бега можно было только с его разрешения.

Исмаилов Гасан (1931 г. р.), сел. Хоредис.

Кураховского района. Слышал от стариков, что передача детей на кормление молоком и воспитание — «бизицяс» в другую семью на срок от 7 месяцев до 6 — 7 лет было распространено лишь в феодальной среде. Молочная мать («бизинбав») и воспитатель, отец («ада»), как он слышал, всегда относились к эмджеку как к родному сыну. С большим уважением и любовью относился и воспитанник к членам семьи аталыка.

Омаров Иса (1883 г. р.), сел. Кумух Лакского р-на. «Қазикумухские ханские семьи во второй половине XIX-начале XX в. не отдавали детей на воспитание. Они воспитывали детей в своих семьях, пользуясь услугами приглашаемых кормилиц из числа подвластных крестьян. Эти кормилицы назывались «ккукку» (букв. «дающая грудь»), одного ребенка кормили от 5 до 10 женщин: один месяц — одни, другой — другие и т. д. Они в определенные дни и часы приходили в дом хана для кормления его детей и внуков. За детьми же постоянно ухаживали специальные няни «сурмухху».

Ахмедов Ибрагим (1909 г. р.), сел. Яркок Агульского р-на, живет в переселенческом поселке «Дружба» Каякентского района. «У нас существовал обычай принесения клятвы — «анд» (по-агульски «гью») при вступлении в побратимство. Побратимы давали друг другу клятву, что они готовы пожертвовать жизнью и имуществом, если потребуется ради брата. Было и молочное побратимство — «бизинчуяр» («бизин» — грудь, «чуяр» — братья) — братья по молоку. Отец убитого сына мог сказать убийце после достойного примирения:

«Я теперь буду видеть тебя на месте убитого, ты мне заменишь его»; убийца в таких случаях с большим уважением относился к дому убитого, старался заменить умершего. Он за свой счет справлял свадьбы для членов семьи своей жертвы, оплакивал умерших наравне с родными членами его семьи».

В равнинной и предгорной зоне уцмийства Кайтагского передача на эмчек детей феодалами было порядком обязательным еще во второй половине XIX-начале XX в.

Дочь **Абдулмеджит бека Ацимева Саятханум** — по отцу Абдуллаева, по мужу Араблинская, уроженка гор. Дербента. «У нас были эмчеки. Мать нас кормила несколько дней, а потом отдавала кормилицам — эмчекам. Нашими эмчекками обычно являлись женщины из сел. Чумли, где жили зависимые от нас крестьяне. Эмчечков, как правило, поселяли с их семьями (или без семей) в наших имениях или даже в нашем доме. Как утверждали наши матери, это делалось для удобства, ибо кроме кормилиц у каждого ребенка еще была няня. Моя кормилица жила в нашем имении — в Исси-суб кутане, расположенном около Каякента, в течение 6 лет. Когда мы приехали в г. Дербент, она вернулась в свое селение. Труд наших воспитательниц оплачивался зерном, маслом, овцами, коровой, лошадыю. Когда мы переехали в Дербент, мне было 6 лет, и родители взяли мне гувернантку, которая обучала меня русскому и французскому языку, а потом к нам приходил мулла, который учил читать Коран».

Гусейнова Патимат (1901 г. р.), сел. Янгикент Кайтагского р-на. «Эмчеки Айханумбий-

ке Уцмиевой тоже были из Чумли, а Амир-Чопан Джамавович Уцмиев воспитывался сперва в Янгикенте в семье крестьянина по имени Гасан, а потом подростком — в сел. Башлы. В Янгикенте Амир-Чопан находился до 7 — 8 лет. Жена аталыка Силив одновременно кормила грудью и собственного сына — Мутая. Последний, будучи прямым эмчек-кярдашем (молочным братом Амир-Чопана), пользовался его большой поддержкой, а став взрослым, распоряжался доходами как настоящий хозяин. В частности, все подати и повинности, которые получал Амир-Чопан как крупнейший помещик от своих зависимых крестьян и арендаторов, проходили через его руки. Люди даже считали, будто у них все имущество общее. Когда к Амир-Чопану пришел гонец с известием, что умер его молочный брат Мутай, он начал плакать. На похороны послал своего племянника Камилля, одного дербентского бека, а также своего нукера — именного узденя из Маджалиса, по имени Алаци. С ними он отправил в Янгикент все, что требовалось для похорон молочного брата и поминальных угощений».

Шамхалов Бускай (1868 г. р.), сел. Маджалис того же района. «Аталык Амир-Чопана был выходцем из даргинского сел. Мулебки, а жена его из Янгикента. Когда умер Мутай, Амир-Чопан, как его молочный брат, взял на воспитание его сыновей — Шихали и Пашабека и дочь Гулаймат. Они жили у Амир-Чопана до его смерти (1914 г.), затем переехали в Янгикент. В Янгикент переехала и одна из жен Амир-Чопана — Тетейбике. Здесь Тетейбике вышла замуж за племянника Амир-Чо-

пана Камиль-Пашу, а после смерти Камиль-Паши — за Чумлинокского бека Абдулмеджида, с которым в период установления Советской власти в Дагестане уехала в Турцию (Стамбул)».

Магомедов Умар (1889 г. р.), сел. Башлыкент Каякентского р-на. «Янгикентский Гасан не был единственным аталыком-эмчекком Амир-Чопана. Главным аталыком, его «баш эмчекком», был Гаджиаккай из сел. Башлы, у которого он жил и набирался жизненного опыта до 12 — 15 лет. Отец Амир-Чопана — Джамавбек лично поручил узденю Гаджиакаю заняться воспитанием своего сына, и тот стал уделять юноше много внимания, брал его с собой в поле, в дорогу по делам, в гости. Гаджиаккай был хлебосольным, общительным, гостеприимным, а также состоятельным и влиятельным человеком. Он учил своего питомца этикету, нормам общения, советовал, с кем из башлыкентской молодежи дружить, куда можно ходить, куда нельзя. Амир-Чопан охотно пользовался его советами и имел среди молодых башлыкцев много друзей, с которыми он посещал всевозможные вечера — «булька» и даже называл себя башлыкентцем, в официальных документах писал, что он кумык. В основное свое родовое имение (в сел. Карадаглы, в магале Терекеме) и затем в Дербент на постоянное жительство он пересел, будучи уже молодым человеком».

Баташева Кумсият (1891 г. р.), сел. Башлыкент Каякентского р-на. «Единственного сына Амир-Чопана Уцмиева (от жены Умугъани), которого он назвал в честь своего отца Джамавом, воспитывала башлыкка по имени Ха-

мулей. Взяв Джамава для кормления грудью, Хамулей ее муж Тагир своего собственного ребенка прудного возраста отправили в горы, в семью даргинца. В отличие от установленного порядка, согласно которому ребенка передавали в дом эмчека, Амир-Чопан пожелал, чтобы кормилица его сына жила у него в доме, и поселил ее в своем дворе, который (как в Стамбуле место приема высокопоставленных лиц) назывался «кьану» (букв. «ворота, двор»). В это время Амир-Чопан с семьей жил то в Дербенте (летом), то в с. Карадаглы со своей семьей, с ними вместе меняла местожительство и Хамулей с ребенком. Ее муж Тагир оставался в своем доме с детьми старшего возраста и только изредка посещал жену — как говорили в народе: «приезжал — уезжал». Хамулей в «кьану» занимала 2 комнаты, к ней была в помощь прикреплена няня, готовую еду приносили ашбазы (повара). Обязанности Хамулей заключались в кормлении мальчика своим молоком, содержащим его в идеальной чистоте. Кормилица должна была предъявлять требования к себе, к своему питанию, чтобы не навредить ребенку.

Однако наследнику Амир-Чопана не было суждено долго жить. Через два года Джамав сильно заболел, хотя к нему и были приглашены лучшие врачи Дербента, спасти его не удалось. Сильно горевали Амир-Чопан и Умугьани, а также эмчек ана Хамулей. Во время болезни ребенка она часто выходила на веранду, просила Аллаха спасти его от смерти, готова была пожертвовать своим сыном,

находящимся у чужой кормилицы в горах, лишь бы спасти ему жизнь.

У сестры Амир-Чопана Кистаман-бийке, как я знаю по рассказам в нашей семье, тоже была аталык-эмчек в сел. Башлы, из известной узденской семьи Муслима. Жена Муслима — Суйдух кормила Кистаман грудью одновременно со своим ребенком в течение 1,5 лет. Однако по прекращении кормления грудью девочка еще до подросткового возраста продолжала жить у своих эмчеков. В результате между двумя семьями на всю жизнь установились тесные отношения. Кистаман-бийке называла дочерей Муслима сестрами, а сыновей — братьями, а семья Муслима гордилась, что у нее есть «молочная» родня в лице бийской семьи — «эмчек кьызкьвардаши Кистаман». Дочери Муслима Сара-бийке и Гаджи-кьыз навещали Кистаман несколько раз в году».

В Башлах, очевидно, были и другие аталыки детей уцмиев. Это отчасти объясняет то, что крупнейший аул Башлы около 200 лет являлся резиденцией феодальных владельцев Кайтага, а его джамаат пользовался большим уважением и влиянием среди населения региона. Аталыки детей уцмиев были и в ряде других селений, расположенных недалеко от аула Башлы в селениях Чумли, Янгикент, Туменлер, Магала Терекеме, земли которых представляли собой удельные владения членов уцмийского дома.

Джамалова Шамай (1880 г. р.), сел. Уллубийаул (быв. сел. Бойнак) Карабудахкентского р-на. «Наши бохи обязательно отдавали детей на воспитание в семьи узденей, а в по-

следнее время — даже бывших рабов. Ребенок мог находиться в доме своих эмчеков от 3 до 12 — 13 лет в зависимости от возможностей семьи. Бывали случаи, когда кормилица на два-три года поселялась в доме бия. В помощь ей занимали еще «дигиза» (няню). Когда дигиза возвращалась к себе домой, передав ребенка родителям, говорили: «дигизасын чыгыара» («отправляют дигизу домой»). Иногда у нас термином «дигиза» обозначалась и кормилица, если она поселялась в доме бия. В том случае, когда кормилица брала ребенка в свой дом, ее всегда называли «эмчек». У нашего Зубаничбека был большой двор и большой двухэтажный дом из 12 комнат, с большими балконами, с двумя широкими верандами. Планировка дома предусматривала две гостиные комнаты — «зал уй» на европейский лад — для высокопоставленных гостей и «кьонакь уй» — для обычных посетителей. У бека было три сына: Умалат, Солтан-Азиз и Шахвали. Каждый имел свою кормилицу. Одна из кормилиц в мое время жила в доме бия три года, другие — кормили детей в своих домах. У каждой из них были свои дети, чуть старше бийских. Они их кормили, как правило, коровьим молоком и обычной едой. Случалось, что кормилица переселялась на этот период в дом бия, оставив семью, детей своих на попечении мужа. Жена бия (бийке) могла своих детей кормить грудью в течение 30 — 40 дней, а потом передать на кормление на сторону. Эмчеки были двух видов: «сют эмчек» и «баш эмчек». Если сют эмчек кормила ребенка грудным молоком, то баш эмчек выдавала замуж молодую бийке».

Гаджиева Арисханум (1886 г. р.), сел. Уллубийаул Карабудахкентского р-на. «Бывало, что перед выдачей замуж дочери, к сыю приходило 6 — 7 человек претендентов с желанием быть баш эмчекями. Сельчанки брали детей биев на кормление грудью, а своего грудного ребенка отдавали бедным семьям в соседнее даргинское селение Губден. У нас брали на эмчек бийских детей и состоятельные семьи, в знак уважения к биям. Кормилица иногда на период кормления переселялась в дом бия, оставив дома семью — мужа и детей старшего возраста. Если у кормилицы был ребенок грудного возраста, она могла брать его с собой. Бии щедро одаривали эмчков, дарили корову, жеребенка (тайлар тутулагьан заманда), участок земли, держали скот эмчка на своем кутане и т. д.».

Тарковская-Уцмиева Разияханум (1901 г. р.), сел. Уллубийаул Карабудахкентского р-на. «До рождения ребенка не намечали будущего эмчека. После рождения начинались все хлопоты, как я слышала, они искали ее прежде всего среди свекл узденей, иногда даже среди бывших своих кулов. Давали женщине, у которой был свой ребенок грудного возраста. Обычно кормилица своего ребенка отдавала на эмчек на сторону (за ее ребенка платил бек — 10 — 15 рублей). Она жила в доме бия в течение 2 — 3 лет, иногда навещала свою семью и мужа. Ей специально отдавали одну из лучших комнат в доме. По истечении срока уходила к себе домой, получив вознаграждение. Многие кормилицы все же забирала ребенка в свой дом, воспитывали у себя. Иногда рабыня (кьараваш), жившая во дво-

ре бия, как я слышала, чтобы воспитывать ребенка, переходила в дом бия. Молоком собственной матери-бийке ребенок кормился только в течение 40 дней, а потом он переходил к кормилице — эмчек. Кормилица могла воспитывать его 3 года, а как я слышала, нередко даже до 12 — 13 лет.

Труд кормилицы оплачивали каждый год: по одной овце на Курбан, осенью 3 — 4 овцы на убой (согъум), 30 — 40 сабу зерна, одежда с себя (чуть поношенные вещи) и новые. Так каждый год, пока ребенок там находился.

Когда вручали воспитанника родителям, бий (отец ребенка) должен был делать большие подарки: 2 — 3 коровы, постельные принадлежности, одежду, лошадь, быков, ковры (каждый отец по своему усмотрению и состоянию, но обязательно постельные принадлежности, ковры и одежду). Поскольку все это совершалось в том же ауле, особых церемоний по возвращению ребенка в родительский дом в мое время не было. Когда дочь бия выходила замуж, то эмчек (муж кормилицы, сын и т. д.) получал (по своему выбору) лучшего коня из тех лошадей, на которых приезжали послы жениха за невестой. Если конь принадлежал постороннему гостю — кунаку жениха, то семья жениха платила эмчеку за лошадь деньги. Кроме того, в день свадьбы девушки-воспитанницы получали 30 туманов (триста рублей) серебром в знак вознаграждения. Если женился воспитанник, семья эмчек также получала вознаграждение.

После сватовства княжны, когда шла подготовка к свадьбе, приходили уздени (5 — 7 семей) просить дать им невесту в баш эмче-

ки, а семья бия выбирала среди них наиболее достойного. Дочь (невеста) могла отказаться от баш эмчека, требуя, чтобы ее выдали замуж те же сют эмчеки, что она других не хочет иметь. Иногда так отвечать учили и родители, которые ради приличия не могли сами отказать в просьбе домогающимся узденям. Баш эмчек имел определенные обязанности: он сопровождал невесту, делал кое-какие расходы при ее выдаче, за свой счет устраивал пир, когда по пути в селение жениха останавливался свадебный кортеж (особенно, если девушка выходила замуж в другое селение). Обычно к месту останова заранее посылались люди, которые должны были готовить угощение к прибытию поезда невесты. У нас других видов баш эмчеков не было».

Дакаев Али (1895 г. р.) и Дакаева Ана (1896 г. р.), сел. Кумторкала Буйнакского р-на (бывш. Темирханшуринский округ). «У нас только бии передавали своих детей на эмчек, другие сословия кормили и воспитывали детей сами. У нашего сельского бия Умалата аталыком был сельчанин Абакар. Молочными братьями («эмчек къардашлар») у него были Исмаил, Гаджиакв, Зиявутдин. Их мать (жена Абакара) кормила своей грудью Умалат-бия, который воспитывался в доме эмчека в течение 1,5 — 2 лет. Нередко бии держали кормилиц или их детей у себя дома. Так, например, бийке Аймесей, когда у нее родился внук, поместила кормилицу у себя дома».

Хасбулатов Бижан (1881 г. р.), сел. Эрпели Буйнакского района. «Эрпелинские бии отдавали на воспитание своих детей тем, кому доверяли, тем, кто мог обеспечить хороший

уход, хорошее воспитание. Иногда дети оставались у эмчеков 7 — 8 лет, иногда — 2 — 3 года. При отборе эмчекки учитывались его материальная обеспеченность, его репутация в обществе, знание традиций и обычаев народа».

Абдуллаев Камалутдин (1897 г. р.), сел. Гели Карабудахкентского р-на. «Бии отдавали детей на кормление и воспитание в другие семьи примерно на 2 — 3 года. У моего деда Бабат-Гаджи была сестра по имени Ажук. Она была эмчеком двух детей из близкого дома Буйнакских. Муж Ажук Дайтбек был уздень, имел хорошее хозяйство и пользовался уважением окружающих. У них в это время была своя девочка грудного возраста, которую, чтобы взять на эмчек ребенка бия, отдали в семью односельчанина Таштемира. Бий щедро вознаграждал Ажук и ее семью».

Черивмурзаев Абдулла (1903 г. р.), сел. Костек Хасавюртовского р-на. «Мой отец рассказывал, что Каракиши-Гаджи Джанкишиев в начале нашего века, т. е. перед установлением в Дагестане Советской власти, давал на воспитание свою дочь Салихат в семью бедного крестьянина по имени Телев. Кормила ребенка грудью его жена Сакинат. Девочка жила в доме эмчеков 10 лет, но когда умер Телев (чуть позже умерла и кормилица), семья Каракиши-Гаджи забрала дочь к себе домой».

Мурадова Анев (1896 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на. «Обычай аталычества у нас назывался «эмчек тутув» («держат эмчека») или «эмчекге берив» («отдавать на эмчек»). Бии и именитые уздени брали эмчеков из больших авторитетных тухумов. Эмче-

ка поселяли либо в доме бия, либо отдавали детей в дом эмчека. Крымсолтан Аджаматов (владелец сел. Туршунай), первостепенный уздень, взял для своей дочери Хуршит кормилицу к себе домой. У кормилицы была и своя дочь, чуть старше приемной. Она тоже воспитывалась в доме Крымсолтана. Последний относился к дочери эмчека, как к родной, продолжал воспитывать ее после смерти матери, выдал замуж. Он же организовал должным образом похороны кормилицы, все расходы Крымсолтан взял на себя («артын алдын этип»). В сел. Адиль-Янгюрт еще в 20-х годах жил бий Кайтука (жена его Джан) с детьми. После его смерти жена осталась с тремя дочерьми, из которых старшая вышла замуж без разрешения семьи (кьачып). Мать отказалась от дочери, перестала ее признавать. У дочери была кормилица — эмчек, которая взяла на себя роль главного примирителя (ярашувлукъ) и добилась цели. Однако вдова Кайтука была женщина суровых нравов, поэтому она и после примирения не позволила дочери переступить порог отцовского дома. Тогда роль родной матери стала выполнять кормилица — «эмчек ана». Дочь вскоре заболела и умерла. После смерти дочери и ее похорон весь траур был, по адату, перенесен в дом родного отца. Однако организацию траура, расходы по похоронам взяла на себя эмчек.

В Бота-юрте жил бий по имени Тажутдин. Одного из его сыновей кормила грудью женщина из Эндери, которая жила у бия со своим ребенком грудного возраста. Ее ребенок был худой, а бийский — полный. Когда ее спра-

шивали «Почему так?», она отвечала: «Бийскому ребенку даю правую грудь, моему — левую», считая, что в правой груди молока больше. У членов семьи Тажутдина были эмчекки из Шуры. Если в Аксае или Эндери умирал кто-нибудь из родственников биев, то Тажутдина сопровождали на ялгьам («соболезнование») эмчекки и уздени, причем они как бы показывали, как надо соблюдать обряд соболезнования по адату и религии. Тажутдин был очень щедрый, давал эмчеккам, своим детям и внукам все, что было необходимо для их жизни — подарки, зерно, скот и др.».

Алибекова Саидат (1902 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на. «Если у князя (бия) было несколько детей и соответственно эмчекков, то воспитателя старшего сына (дочери) называли баш эмчек (главный эмчек), а остальных — просто эмчек. Раньше бий никогда сам не воспитывал своих детей, а отдавал на кормление грудным молоком и воспитание в другие семьи. Этот обычай был распространен и у первостепенных узденей (салаузденей). Рядовыми узденями этот обычай не соблюдался. Исключение составляли богатые уздени из торгово-промышленных слоев, которые, подражая родовой знати, старались внедрить и обычай молочного кормления в другой семье. Они отдавали детей, как правило, в семьи простых узденей. Бий мог отдать ребенка на воспитание и в семью салаузденя и просто узденя (чаще), а салаузденя в семью простого узденя. В семью чагара, как правило, не отдавали. Кроме того, бии и салаузденя доверяли кормление и воспитание своих детей ногайцам, живущим в подвластных им

аулах. Были эмчекки, которые жили в доме бия до 5 — 10 лет. За воспитание бийских детей семьи аталыка получали богатую одежду — «пиинтлер», для всех членов семьи (с головы до ног), скот (лошадь, быков, корову), землю.

Аталык учил мальчиков хорошим манерам поведения, этике, умению защищать свою честь и права, управлять хозяйством, девочек учили шить, вышивать, вести домашнее хозяйство, следовать нормам морали и местного этикета. Бывали случаи, когда было много претендентов на кормление. Бий выбирал таких женщин, у которых умерли дети и которые могли еще кормить грудью ребенка. Я воспитывалась в семье ногайца среднего достатка, у которого жила в течение 7 лет. Бывали случаи, когда дети оставались в семье своих аталыков до 16—17 лет, до самой женитьбы. Мой дед по матери, князь Салим Солтан Капланов, как слышала в семье, находился в доме своего воспитателя — ногайца в ауле Мужукай, в родовом именин Каплановых, до самой женитьбы. Сами Каплановы жили в Аксае. Я слышала следующий семейный рассказ о своем деде: когда деду исполнилось 18 лет и ему надо было жениться, он вернулся в Аксай. Но аталык сказал свое слово, причем в категорической форме: «Я его вырастил, воспитывал, пусть и свадьба его будет в моем доме в Мужукае». Так и поступил родной отец. Когда привезли невесту из соседнего Борапан-аула из рода Таймазовых, Каплановы поехали в Мужукай и там вместе с семьей воспитателя организовали свадьбу. Большую часть расходов нес аталык. Салим

Солтан и после женитьбы остался жить в Мужукае, в семье аталыка, ведя с ним общес хозяйство. Я тоже воспитывалась в ногайской семье, в том же Мужукае. Меня кормила женщина, у которой умер ребенок грудного возраста. Я оставалась в семье кормилицы до 7 лет, я их очень любила, не меньше собственных родителей. Поэтому не торопилась уходить от них. Свидания с родителями, как правило, бывали не часто — в год 2 — 3 раза. Ребенка привозили к родителям и после свидания увозили к воспитателю. Помню, как нам предлагали остаться в доме родителей, пока сварится плов, но я торопила кормилицу уехать «к себе» в Мужукай. У нас в Аксае, как и в других кумыкских селениях, все бия отдавали маленьких детей на воспитание в семьи низкостоящих сословий. В результате у всех бийских детей были свои эмчеки. Иногда дети биев, обидевшись на родителей, уходили к аталыкам. Бывало и так, что воспитанник больше любил семью аталыка, чем свою отцовскую, молочных братьев больше, чем родных. Порожившиеся семьи не заключали между собой браки. Существовал обычай, согласно которому многие княжеские дочери выходили замуж из дома своих аталыков. Меня тоже выдал замуж мой аталык.

Помню, как меня сватали 3 — 4 семьи, против сватовства которых не возражал родной отец, но был против аталык. В результате выдали за того жениха, которого одобрил аталык. Половину приданого мне справил аталык, половину — родной отец. Был обычай, согласно которому перед свадьбой невесте посылали богатую одежду — «гелин-

ни гийдитлери» и приводили богато убранную лошадь, покрыв спину полотнищем из парчовой ткани, на шею, уши повесив золотые цепочки и другие украшения. Эта лошадь предназначалась для сына аталыка невесты. «Ал сарасан явулуу амалыма ат геле» («моему брату идет лошадь, покрытая алым сарасаном»), — говорят, пела во время одной свадьбы дочь аталыка. По случаю траура в доме бия вся семья аталыка и близкие родственники держали строгий траур. Таким образом, отношения двух семей часто бывали крепче кровнородственных».

Довлетукаева Умуразият (бывш. княгиня **Хамзаева**, 1893 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на. «Князья своих детей обязательно отдавали на воспитание сразу после рождения. Выбирая воспитателя, князь советовался со своими нукерами, близкими узденями. Многие сами обращались к князьям с просьбой передать им младенца на воспитание. Чаще бывали случаи, когда князь сам обращался к узденю с такой просьбой о кормлении грудью и воспитании его ребенка. При этом князь учитывал престиж рода, традиции дома, репутацию семьи. По рождении ребенка мать кормила его несколько дней, около месяца, потом передавала его в семью аталыка. В одном случае эмчеки, чаще вдовы или разведенные, но имеющие своего грудного ребенка, жили в доме князя. Их называли «дигизе» (няня). В другом случае ребенка передавали в дом аталыка, а кормилицу называли «эмчек гана». Ребенок на ее попечении находился в течение 3 — 5 лет. В том же в другом случае князь щедро вознаграждал

семью воспитательницы. Если кормилица жила в доме князя и была вдовой или разведенной, то впоследствии князь иногда оставлял ее жить в своем доме и даже выдавал замуж.

Многие аталыки воспитывали княжеских детей не ради платы, а ради укрепления контактов с княжеской семьей, чтобы укрепить узы дружбы. Аталыки (эмчеки) часто становились фактически хозяевами земли и орошаемой воды, которые принадлежали князьям. Они распоряжались отарами овец, табунами лошадей, средствами, поступающими от сбора податей с зависимых крестьян. Князь, как правило, горою стоял за аталыка, принимал активное участие во всех делах. Аталыки, в свою очередь, принимали активное участие в междоусобных конфликтах феодалов».

Информатор **Довлетукаева** рассказала следующее предание, связанное с жизнью одного из князей и его аталыка.

«В Эндери жил князь Айдемир, называли его «Уллу Айдемир» (большой, старший Айдемир). Его сестра была замужем за князем Хасаем Муртузали-Аджиевым, который был глубоко религиозным, не любил заниматься общественными делами, ничего не делал и для блага собственной семьи. Все это очень не нравилось Айдемиру. Началась между ними вражда. Айдемир отправился со своими нукерами в родной отар Хасая и убил его, затем убил сразу двух старших племянников. Младшего племянника забрала с собой жена аталыка кормилица-андийка в свое андийское общество. 25 лет мальчик—сын Хасая Муртузали-Аджиева — воспитывался в горах.

После смерти Айдемира эмчеки привезли его в родное селение и помогали восстановиться в своих имущественных и других правах. Жена Хасая, когда умирал ее брат Айдемир, была приглашена в его дом, но не вошла в него. Остановившись во дворе, она оплакивала его так:

Къардашым деп мен айтсам,
Къаллындыр деп эл айтар:
Тувгъаным деп мен айтсам.
Душманым деп эл айтар.
Къозулу-къойларымны къыргъансан,
Къойнума къызыл къанларымны яйгъансан.
Не этейим — эл учун сенден гечемен,
Тузлу гёзашларым ичемен...
Если я тебя назову братом,
Народ скажет, ты мне кровник.
Если я тебя назову родным,
Народ скажет, что ты мне враг.
Ты уничтожил моих овец с ягнятами,
Ты обогрил мою грудь кровью.
Что же мне остается делать —
Прошаю тебя по обычаю народа,
Глотаю свои горькие слезы.

Различали сют эмчеков и баш эмчеков. Сют эмчеки воспитывали ребенка в течение 3 — 4 лет, а затем возвращали его в отцовский дом. Баш эмчеки принимали в свой дом уже 3-летнего ребенка и воспитывали его в одних случаях до 5 — 6 лет, в других — до 15 лет, т. е. до совершеннолетия. В этом случае воспитанника учили грамоте, езде на лошади, охоте, навыкам поведения в самых различных ситуациях — в том числе и в выс-

шем обществе, на народных собраниях, в семье. Более того, его учили управлять имением, любить, ценить и знать духовные и материальные ценности, созданные многовековым трудом поколений. Время от времени баш эмчек возил своего питомца к родному отцу на свидание. В период феодальной раздробленности Дагестана важное место в воспитании юношей занимало обучение навыкам набегов на чужие владения, отступления, когда требовали этого обстоятельства. В этих целях аталык брал юношу с собой в относительно безопасные набеги.

В назначенный день, когда юноша-эмчек должен был возвращаться в родительский дом, аталык снабжал его хорошей одеждой, сажал на хорошего коня, с дорогом сбруей и в сопровождении избранных для этого людей из своего тухума привозил его к отцу. Отец юноши торжественно встречал аталыка и его окружение, устраивал по этому случаю той (праздник), щедро угощая всех его участников. Князь богато одаривал аталыка, давал ему в пользование землю, мельницу (что мог), уступал (на время или навсегда) часть податей с подвластного населения, преподносил оружие, одежду. Между аталыком и семьей воспитанника (и прежде всего самим воспитанником) устанавливались близкие отношения, не уступающие кровнородственным. Известны случаи, когда воспитанник, обидевшись на родного отца, недовольный поведением мачехи, навсегда переходил в дом к аталыку.

Существовал у нас обычай, который назывался «гиев атлангъан» (букв. «жених сел на

коня»). Согласно этому обычаю, молодой супруг через 3 — 4 дня после свадьбы уезжал в сопровождении друзей к своему аталыку, где оставался 1—2, иногда даже 3—4 месяца, пока отец не сделает «савбол» («не скажет спасибо за уважение») и не пригласит его официально, послав за ним специального человека.

Приданое девушке обычно справляли совместно родной отец и аталык. Нередко организация и проведение свадьбы поручались аталыкам. Молодая после выхода замуж обычно первый визит («теркюллер бара») наносила в дом аталыка не только потом — в дом родного отца.

Девушку также передавали на воспитание. В доме аталыка девушка училась навыкам поведения, этике, рукоделию и т. д. Особенно тщательно ее учили домоводству, обязанностям хозяйки богатого дома. Говорили, что на эмчек княжескую дочь брали даже на несколько дней перед замужеством, нередко девушка из дома своих эмчеков выходила замуж. В этом случае или в случае перехода в дом аталыка после обручения в составе калыма дом жениха посылал в дом аталыка лучшую в его табуне иноходную лошадь (ингелис, кабарти, араб джине ит). Она составляла главную часть калыма и называлась «баш ат» (главная лошадь). Как показывает название, у кумыков, как и у ногайцев, в качестве калыма, очевидно, передавали несколько лошадей. Главную лошадь покрывали множеством полотнищ, отрезков, женской одеждой, на шею вешали и дорогие серебряные кинжалы и передавали сыну или племянни-

ку аталыка. Дорогие подарки получали и сэт эмчек (кормилица) и баш эмчек.

На воспитание аталыку отдавали своих детей и салауздени. Эмчеками их детей, как правило, были простые уздени, чаще женщины «бойдаки» — вдовы, разведенные, оставшиеся с грудными детьми. Они обычно переходили в дом родителей ребенка. Салауздени порою даже соревновались с князьями в соблюдении обычной аталычества. Отдавая на кормление грудью своего ребенка князь или салауздень предупреждали кормилицу о необходимости прекратить половые связи со своим мужем на время кормления. Кроме того, стороны строго соблюдали обычай, согласно которому между обеими семьями исключались брачные связи, точно так же, как между близкими родственниками по крови.

Обычай аталычества (эмчекге берив) рассматривался как средство получения поддержки для расширения своих сторонников и влияния в обществе. Но он был ограничен: бедный уздень сам не мог отдавать своих детей на воспитание в другую семью, пользуясь этим правом».

Султанова Бурлият (1891 г. р.), сел. Чонтаул Кизилюртовского р-на. «Среди чонтаульских салаузденей был обычай отдавать детей на воспитание. В нашей салаузденой семье было пятеро детей, которые были отданы на воспитание эмчекам, причем в разные селения. У всех были свои аталыки — эмчки. Кормилиц своих мы называли «ажай», а родную мать по собственному имени (Ирайганат). Мать нас кормила 1 — 2 дня, а потом отдавала заранее выбранным кормилицам.

Когда нашего младшего брата, я помню, отдавали кормилице, нарядно убранную арбу ставили люльку и подарки для кормилицы. К арбе привязывали дойную буйволицу или корову. В доме эмчека, по рассказам матери, я, например, жила 7 лет. После возвращения домой воспитанники часто навещали своих кормилиц. Многие девушки, как я слышала от старших, прежде жили долго у эмчеков, до самого выхода замуж. Эмчеков выбирали внутри аула (простые уздени) и в соседних селениях».

Исаков Курбан (1907 г. р.), сел. Рутул Рутульского р-на. «У нас раньше жили беги Казбековы. Последний был Мажитбег. Потомство бегов и сейчас живет в селении. У Мажита было 5 сыновей, которые имели свои семьи, сыновей и дочерей. Все братья жили в одном доме. В 1922 г. они уехали в Дербент, Кубу и в другие города. У них не было в мое время обычая отдавать детей на воспитание в другие семьи. Жены братьев сами кормили своих детей грудью. Но у нас существовал обычай, согласно которому две женщины-подруги кормили грудью детей друг друга. Это практиковалось, чтобы занять родство, дружбу, и называлось «ТитИт шуба». Они всю жизнь помогали друг другу. Детей своих кормилиц называли «нин» (мама), а их мужей — «дитI» (отец)».

Рагимова Загидат (1889 г. р.), сел. Цахур Рутульского р-на. «Не было в мое время обычая отдавать детей на воспитание или кормление грудью в чужую семью. Каждая бегская жена сама кормила грудью своих детей. Если молодая женщина по каким-либо при-

чинам (болезнь и др.) не могла кормить, только тогда обращались к другой кормилице».

Исламов Рашитбек (1894 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на. «Князь» держали у себя узденей в качестве аталыков, чтобы те защищали их в случае необходимости и были им яндаурами (телохранителями)».

Султанбеков Хабурасул (1895 г. р.). сел. Гуни Казбековского р-на. «В начале века Муртузали из Гуни имел названного брата из сел. Буртунай по имени Малачилав. Когда Малачилав умер, сразу отправили человека за Муртузали и тот немедленно приехал и руководил всей процедурой похорон названного брата. Он выполнял все братские обязанности по отношению к умершему, хотя у умершего было много родственников и даже родной брат по имени Каирбек. Однако, по обычаю, первенство в выполнении похоронной церемонии было предоставлено Муртузали в честь признания его на правах брата. Обычай брать названного брата практиковался все же редко, люди шли на это, только убедившись в преданности друг друга. Такими же братьями были Гаджимурад из Гуни и Уэйри из Чиркея».

Наибов Хайбулла (1897 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на. «Эмчеки были и у узденей, но лишь у богатых. Так, Бабатов Акав из Аксай был очень богат, имел мельницу, магазин. Он отдал свою дочь на воспитание женщине из Бораган по имени Сапият. Она воспитывала ее в течение 10 лет. И моя жена Арапат в детском возрасте воспитывалась у кормилицы — односельчанки по имени Бакуш».

П Р И М Е Ч А Н И Я

ВВЕДЕНИЕ

1. **Кокиев Г. К.** К вопросу об аталычестве // Революция и горек, 1929. № 3; **Косвен М. О.** Аталычество // СЭ. 1935. № 2; **Он же.** Аталычество // Этнография и история Кавказа. М., 1961; **Он же.** Авукулат // СЭ. 1948. № 1; **Гарданов В. К.** Аталычество. М., 1973; **Он же.** Аталычество у тюркских и монгольских народов // Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973; **Смирнова Я. С.** Семья и семейный быт народов Северного Кавказа XIX-перв. пол. XX в. М., 1983; **Она же.** Порождение у народов Северного Кавказа: Судьбы обычая и обряда // Всесоюзная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1984 — 1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986; **Она же.** Искусственное родство у народов Северного Кавказа: Формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник. Вып. IX. М., 1989; **Першиц А. И.** Матриархат: Иллюзии и реальность // Вестник АН СССР, 1986, № 3; **Першиц А. И., Трайде Б.** Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986; **Першиц А. И.** Первобытность и классовые общества // История первобытного общества. М., 1988. С. 515; **Кон И. С.** Материнство и отцовство в

историко-этнографической перспективе // СЭ. 1987. Т. 6.

2 Смирнова Я. С. Аталычество и усыновление у абхазов // СЭ. 1951. № 2; **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы. Сухуми, 1960; **Дзадзиев А. Б.** Формы искусственного родства у осетин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

3 **Гаджиева С. Ш.** Кумыки. М., 1961; **Она же.** Аталычество в феодальном Дагестане // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980; **Она же.** Аталычество в феодальном обществе кумыков (XVIII — XIX вв.) // III Тюркологический конгресс. Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1980; **Она же.** Институт аталычества в феодальном обществе кумыков (XVIII — XIX вв.) // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной Тюркологической конференции. Ташкент, 1984; **Она же.** Аталычество в феодальном Дагестане (XVIII-XIX вв.) // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

4 **Гаджиева С. Ш.** Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX-начало XX в. М., 1979; **Смирнова Я. С.** Искусственное родство у народов Северного Кавказа.

5 **Сержпутовский М. К.** Поездка в Нагорный Дагестан. // Живая старина. 1917. Т. XVI.

Глава I

1 Аталыкъ (от тюрк. «ата» — отец) — как бы отец, приемный отец, воспитатель, человек, заменивший отца.

2 См. **Першиц А. И.**, **Трайде Б.** Указ. соч.

3 **Ковалевский М. М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М., 1890. С. 15.

4 Там же.

5 **Косвен М. О.** Этнография... С. 116.

6 **Гарданов В. К.** Аталычество. С. 14.

7 **Гуревич А. Я.** Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 79—80.

8 **Першиц А. И.** Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С. 38; **Он же.** Первобытность и классовые общества; **Першиц А. И.**, **Трайде Б.** Воспитательство; **Смирнова Я. С.** Семья... С. 79—80; **Она же.** Искусственное родство... С. 220.

9 **Далгат Б.** Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 84.

10 Цит. по: **Козубский Е. И.** История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906. С. 47.

11 **Гордлевский В. А.** Избр. сочинения. Т. I. М., 1960. С. 85.

12 **Бартольд В. В.** Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1965. С. 54.

13 См. подробнее **Косвен М. О.** Аталычество.

14 **Новосельский А. А.** Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 16.

15 **Бартольд В. В.** История Туркестана. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 270—271; **Он же.** Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 64.; Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб., 1887. С. 348.

16 Сборник некоторых важных известий и офици-

альных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. 24—26; Хаников Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 185.

17 Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 78, 192, 194.

18 Там же.

19 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 52.

20 Там же, С. 194; См. ЦГА РД. Ф. 379. ОП 1. Д. 291. ЛЛ. 37. 58. 94. Д. 36, Л. 8, 131; Д. 337. Л. 1. Д. 335. Л. 69, 84; Д. 724. Л. 106, 110; Д. 725. Л. 21—22. Д. 1169, Л. 28, Д. 1170, Л. 24; Д. 1171. Л. 1: 1193, ЛЛ. 19, 47, 49, 51, 64 и др. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 71, 86 и др.

21. Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 52.

22. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. М., 1958 (далее ИГЭД). С. 84.

23 Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 170.

24 Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828. // ИГЭД. С. 267.

25 Малый Джунгутай — это Верхний Джунгутай — одно из селений быв. Мехтулинского ханства (совр. Буйнакский р-н).

26 Султан-Ахмед-хан, хан Мехтулинского владения (резиденция в Большом Джунгутае); ныне Нижний Джунгутай Буйнакского р-на. Сведения автора близко перекликаются с данными известного наиба Шамиля — Хаджи-Мурата, героя повести Л. Н. Толстого. (См. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Махачкала, 1969. С. 59). По материалам Околыничьева, опубликованным в «Печенье военных действий в Дагестане» (1843 г.), Со-

тан-Ахмед-хан воспитывался «дурдгеллинским жителем Алиаскером» и потом в 9-летнем возрасте отправлен в С.-Петербург, где был помещен в Пажеский корпус.

27 Записка о сношениях с аварскими ханами с 1800-го года по 1838 год // ИГЭД. С. 361.

28 Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского 1822 и 1823 годы // Русский архив, кн. II, вып. II. 5—6. М., 1888. С. 331.

29 Бейтинские адаты // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 71.

30 Сержпутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. Т. XXV. 1916. С. 287—288.

31 Козубский Е. И. Из прошлого Дагестанской области // Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 221.

32 Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // ИГЭД. С. 241.

33 Цит. по: Гаджиев Т. В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа. Рук. канд. дис. Махачкала, 1983. С. 96.

34 Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1846. № 38.

35 Кумык (Д.-М. Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1846. № 40.

36 Там же. № 41.

37 Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. Т. XII. № 4. С. 282.

38 Шемшединов А. Слобода Хасавюрт Терской области 10 сентября 1908 г. Легенды и сказания кумыков // Этнографическое обозрение. 1905. № 1—2. С. № 137.

39 Шемшединов А. Целебный кувшин. Там же. С. 137.

40 Алибеков Манай. Адаты кумыков. Перевод с

кум, Т.-Б. Бейбулатова, Махачкала, 1927, С. 31.

41 Новосельский А. А. Борьба... С. 15.

42 См. подробнее Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. II, СПб., 1864. С. 437—438; Вестник Европы, 1866, июнь. С. 212.

43 Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 89.

44 ЦГА Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 105. ОП. 2. Д. 69; полевой материал автора.

45 ЦГА РД. Ф. 105. ОП. 2. Д. 69. Л. 22.

46 Феодалные отношения в Дагестане. XIX-нач. XX в. Архивные материалы. Сост. Хашаев Х.-М. М., 1969. С. 88.

47 Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Т. II. Одесса, 1883. С. 252.

48 Записано в 1972 г. в сел. Узун-Отар Хасавюртовского р-на от Гаида Гаджиева (1908 г. р.).

49 Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 252.

50 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 84.

51 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 241.

52 Першиц А. И., Трайде Б. Указ. соч. С. 38—39.

53 Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 80; см. также: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 79—80; Першиц А. И. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С. 38; Кон И. С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // СЭ. 1987. № 6. С. 28.

54 Леонтович Ф. И. Аталычество // Адамы кавказских горцев. Т. I, Одесса, 1882. С. 163.

55 ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 8. Л. 2 — 3.

56 Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 143.

57 Записано от народного поэта Дагестана Аткал Аджаматова, 1910 г. р., проживающего в Махачкале, который слышал это от своего дяди.

58 Записано в Махачкале 6 апреля 1989 г.

59 Леонтович Ф. И. Аталычество // Адамы кавказских горцев. Ч. I. С. 163.

60 Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. III. С. 54.

61 Записано в 1969 г. в сел. Чонтаул Кизилюртовского р-на от Барият Султановой (1881 г. р.), от Разияханым Уцмиевой-Тарковской (1900 г. р.), уроженки сел. Уллу-Буйнак, проживающей в Баку; в сел. Мугарты Дербентского р-на от Аслана Велибекова (1800 г. р.). Записано в гор. Хасавюрте от Умуразият Девлетукаевой (1893 г. р.). Они считают, что через 40 дней ребенок может держать голову, т. е. наступает новый этап в его жизни.

62 См. Леонтович Ф. И. // Адамы... Т. II. С. 253.

63 Записано автором в 1969 г. в сел. Бабаюрт Бабаюртовского р-на от Алибековой Саадат (1898 г. р.).

64 Данилевский Н. Указ. соч. С. 145.

65 Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 84.

66 Там же.

67 Там же.

68 Записано в 1969 г. в сел. Янгикент Кайтагского р-на от Патимат Гусейновой (1899 г. р.) и в сел. Баплькент Каякентского р-на в 1949 г. от Умара Магомедова (1874 г. р.).

69 Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. Т. XII. № 4. С. 282.

70 Записано в 1960 г. в сел. Бабаюрт Бабаюртовского р-на от Саадат Хамзаевой-Алибековой (1898 г. р.).

71 Записано там же.

72 Небольшой аул, где жила часть ногайцев, подвластных князьям Каплановым.

73 Подробнее см. Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX-начало XX в. М., 1979. С. 118—127.

74 Потемкин П. С. Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 г. // Кабардино-русские отно-

шения в XVI—XVIII вв. Т. II. М., 1957, С. 159. Об авторстве П. С. Потемкина этого очерка. См. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, С. 170.

75 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 241.

76 Гарданов В. К. Общественный строй, С. 169—179.

77 Буцковский А. М. Указ. соч. С. 241.

78 Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957, С. 161.

79 Там же. Т. II, С. 167.

80 Русско-дагестанские отношения... С. 152.

81 Там же. С. 175—176.

82 Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823, С. 450—451.

83 См. Полиевктов М. А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила Георга-Готтлиба Гмелина (младшего) // Известия кавказского историко-археол. ин-та в Тифлисе. 1925. Т. III. С. 153.

84 Там же.

85 Очевидно, это был князь Темир Хамзаев, правивший в Костекс во II половине XVIII в., о котором шла речь выше.

86 Султан-Мут — родоначальник князей засулакской Кумыкии. Когда умирали знатные князья и дворяне, семьи нанимали известных плакальщиц, которые умели причитать сообразно его делам, идеализируя их жизненный путь и даже грабительские походы.

87 Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, С. 351—353.

88 Там же. С. 243 (примеч.). Считается, что Султан-Мут погиб в 1605 г. в сражении с терскими воеводами, совершившими поход на Тарки под командованием боярина Бутурлина (см. там же, с. 352).

89 Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. 1890, С. 15.

90 Район Чечни, пограничный с Кумыкией.

91 Образное выражение, использованное для характеристики тяжелого события.

92 Записано в 1967 г. в сел. Уллубийаул Карабудахкентского р-на от Кихили Адуковой (1890 г. р.).

93 Записано в 1954 г. в сел. Утамыш Каякентского р-на от Бахмуда Мамаева (80 лет).

94 Рук. фонд Института ИЯЛ. Ф. I. ОП. I. Д. 185. Л. В.

95 Там же.

96 Леонтович Ф. И. Адаты... Ч. I. С. 163—164.

97 Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. С. 149.

98 См. князь Х-ъ (Хамзаев). Кое-что о кумыках // Кавказ, 1865. № 7; Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. 3. 1870. С. 4.

99 Лобанов-Ростовский М. Б. Указ. соч. № 38.

100 ЦГА РД. Ф. 379. ОП. I. Д. 464. ЛЛ. 5—6.

101 Леонтович Ф. И. Адаты... Т. II. С. 159.

102 См. Кумык. (Д.-М. Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 40.

103 Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. Т. XII. № 4. С. 282.

104 Кумык. Указ. соч., № 40.

105 Записано в сел. Бабаюрт Бабаюртовского р-на от Камбулатова Ильяса (1902 г. р.).

106 Записано в 1953 г. в сел. Ботаюрт Хасавюртовского р-на от Хидивова Солтан-Аджи (1855 г. р.).

107 Записано у Лакалова Мургузали (1890 г. р.) и Гитинова Васува (1902 г. р.) в сел. Хунзах Хунзахского р-на. Об убийстве ханши Паху-бийке и ее сыновей Гамзат-беком см.: Записка о сношениях с аварскими ханами с 1800 г. по 1838 г. // ИГЭД С. 353—359.

108 Кумык. Указ. соч. № 42.

- 109 Там же.
- 110 Записано (по воспоминаниям) от Саадат Алибековой (1902 г. р.), внучки Салим-Солтан Капланова.
- 111 Шагъалай — особая старинная форма оплакивания, с выведением кося в круг.
- 112 Записано в 1971 г. в сел. Башлыкент Каякентского р-на от Кумсият Баташевой.
- 113 Клапрот М. Поездка... Париж, 1829. Т. I. С. 165 — 167. (на фран. яз).
- 114 Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. Т. 12. № 41860. С. 300.
- 115 Аналогичные явления в этот период наблюдались и у других народов Кавказа, в частности у абхазов. См. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 107.
- 116 Записано в 1980 г. в Махачкале от Реведе Забиловны Уцмисвой (1911 г. р.).
- 117 Записано в 1958 г. в Буйнакске от Уллубиевой Д. (1893 г.р.).
- 118 Записано в сел. Коркмаскала в 1971 г. от Зафнутдина Абакарова (1883 г. р.), который был молочным братом Умалата.
- 119 Записано в 1975 г. в сел. Аркит Табасаранского р-на от Байрамова Алибека (1908 г. р.).
- 120 Записано в сел. Хунзах со слов Гайдарбекова Гамзата (1890 г. р.) и Локалова Муртаза (1890 г. р.).
- 121 Записано в сел. Рукель Дербентского р-на от Касумовой Сават (1890 г. р.).
- 122 Сведения, сообщенные Велибековым Арсланом в сел. Мугарты Дербентского р-на (1889 г. р.) в 1965 г.
- 123 Записано от Гайдарбекова Гамзата (1890 г. р.) в сел. Хунзах Хунзахского района.
- 124 Записано в 1967 г. в гор. Баку у Уцмисвой — Мамедовой Саят Абдулжалиловны (1894 г. р.).
- 125 Записано в сел. Башлыкент Каякентского р-на

от Баташевой Кумсият (1891 г. р.), родственницы Хамулей.

126 Записано в 1979 г. в сел. Кумух Лакского р-на от Омарова Исы Омаровича (1883 г. р.).

127 См. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана... С. 123.

128 См. Смирнова Я. С. Аталычество и усыновление у абхазов. С. 106; Она же. Семья и семейный быт. С. 78.

129 Записано в сел. Башлыкент Каякентского р-на от Кумсият Баташевой (1891 г. р.).

130 Джанибеков А. Ш. Исторический очерк ногайцев. РФ ИИЯЛ. Ф. 2. ОП I. Д. 1596. Л. 45.

Глава II

1 «Яш этип алыв», «улан этип алыв», «къыз этип алыв» (кум.).

2 Записано в сел. Ерсн Табасаранского р-на от Эсбет Магомедовой (1888 г. р.).

3 См. Каракалпаки. // Народы Средней Азии и Казахстана (из серии «Народы мира»). Т. I. 1962. С. 492.

4 Записано в 1975 г. в сел. Ленинкент (преж. Атлы-боюн) от переселенца из сел. Гоор Советского р-на Маликат Гаджиевой (1909 г. р.).

5 О другом доме см. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985. С. 215—216.

6 Подробнее об этом и других формах искусственного родства см. Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. С. 118—127.

7 См. Там же С. 124.

8 См. Там же.

9 О других домах см. подробнее Косвен М. О. Этнография и история..., С. 70.

Глава III

10 Семенов Н. Очерки народных обычаев кумыков Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 2. С. 33.

11 См. Смирнова Я. С. Искусственное родство... С. 223 — 225.

12 Леонтович Ф. И. Адаты... Вып. 2. С. 212.

13 См. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868; Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872; Адаты даргинских обществ // ССКГ. Вып. 7. Тифлис, 1873; Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Тифлис, 1899; Леонтович Ф. И. Указ. соч.; Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана. М., 1961; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, и др.

14 См. Сборник адатов шамхальства Таркинского ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана. М., 1965. С. 188.

15 В некоторых аварских обществах (сел. Мехельта Гумбетовского р-на) — в черной бурке, опустив на лоб папаху.

16 Записано в сел. Буртунай Казбековского р-на от Магомеда Голоева (1895 г. р.) и в сел. Гуни того же р-на от Хабирасула Султанбекова (1895 г. р.).

17 Записано в сел. Аксай Хасавюртовского р-на от Магомеда Абдуллаева (1918 г. р.).

18 Записано в сел. Кумух Лакского р-на языковедом И. Х. Абдуллаевым со слов А. Чалавиева (1877 г. р.) и И. Дамаданова (1885 г. р.). Мы воспользовались информацией И. Х. Абдуллаева.

19 Данилевский Н. Указ. соч. С. 177—179.

20 Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Ч. 1. С. 163.

21 Ковалевский М. Родовой быт. М., 1905. С. 271.

1 Къардаш тутув (кум.), цIарлъурав вацI (авар.), уздудеш (дарг.), стхавал (лезг.), уссушиври хъат бан, дус (лак.), шуба (рутул.), чочна алертIы (цахур.), къардаш этив (ногай.); отсюда и названный брат-тутгъан къардаш (взятый брат), ант ичип тутгъан къардаш (брат, взятый клятвой), атлангъан къардаш (кум.), вацлгу рачен (бук. братья по договору—авар.), бутIа бакочу (бук. бездолевой брат—лак.), сигъа гардаш (брат по сердцу — азерб.). См. Гаджиева С. Ш. Семья и брак... С. 126—127.

2 Русско-дагестанские отношения... С. 174.

3 Записано в сел. Аксай Хасавюртовского р-на от Султанова Мухтара (1912 г. р.) и в Махачкале от Аджаматова Аткая (1910 г. р.).

4 Записано в 1981 г. в сел. Гуни Казбековского р-на от Султанбекова Хабирасула (1895 г. р.).

5 Записано от Магомеда Абдуллаева (1918 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на.

6 Записано от Хайбуллы Даибова (1897 г. р.) в г. Хасавюрт и Магомеда Абдуллаева (1918 г. р.), сел. Аксай Хасавюртовского р-на.

7 Записано от Али Эльмурзаева (1906 г. р.) в сел. Какашура Карабудахкентского р-на.

8 Записано от Ахмеда Ахмедханова (1897 г. р.) в сел. Миатлы Кизилюртовского р-на.

9 У кумыков — «къардаш болув» (побратимы), «анд ичив» (питье клятвы) или «анд этив» (совершигъ анд), у аварцев — «гъеди» (клятва), у лакцев — «уссушиври хъабан» (поклониться в братстве), у даргинцев — «гъан бедив» (слово дали) и т. д.

10 Записано от Сарат Алиевой (1926 г. р.) сел. Урзи Сергокалинского р-на.

11 Бежтинские адаты // Из истории обычного пра-

ва народов Дагестана. Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1963. С. 7.

12 Смирнова Я. С. Искусственное родство... С. 216.

13 Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 583.

14 Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 60—61.

15 Там же

16 Там же.

17 Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 64.

18 Там же. С. 105; см. также Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов // СЭ. 1968. № 6. С. 19.

19 Записано в сел. Костек от Изутдина Кожаева (1900 г. р.).

20 Далгат Б. К. Материалы по обычному праву даргинцев. С. 81.

21 Записано в сел. Аксай Хасавюртовского р-на от Мухтара Султанова (1912 г. р.).

22 Записано в 1979 г. в сел. Кумух Лакского р-на от И. О. Омарова (1883 г. р.).

23 Далгат Б. К. Указ. соч. С. 83.

24 См. Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 234—237; Гарданов В. К. Общественный строй... С. 243—264.

25 Лобанов-Ростовский М. Б. Указ. соч. № 38.

26 Кумык. Указ. соч. № 42.

27 Лобанов-Ростовский М. Б. Там же.

28 Кумык. Указ. соч. № 42.

29 См. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа... С. 125.

30 Лобанов-Ростовский М. Б. Указ. соч. № 38.

31 Там же.

32 Владимирцев Б. Я. Указ. соч. С. 183.

33 См. Леонтович Ф. И. Аталычество // Адаты кавказских горцев. Ч. I. Одесса, 1882. С. 163.

34 Першиц А. И., Трайде Б. Указ. соч. С. 39; См. также Кон И. С. Указ. соч. 1987. СЭ. № 6. С. 28.

35 Смирнова Я. С. Искусственное родство... С. 242.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Аталычество	5
Глава II. Усыновление и удочерение	68
Глава III. Побратимство и посестримство	84
Приложение. Сведения, собранные от информаторов в процессе этнографического исследования	106
Примечания	137

instituteofhistory.ru

*Сакинат Шихаметовна
Гаджиева*

**АТАЛЫЧЕСТВО И ПОБРАТИМСТВО
В ДАГЕСТАНЕ**

Редактор **Н. М. Рагимова**
Художник **Е. Гапурова**
Худож. редактор **М. В. Левченко**
Технический редактор **В. П. Гаджиева**
Корректор **Р. М. Канаева**

Сдано в набор 20.03.95. Подписано в печать 13.07.95. Формат 70x90¹/₃₂. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,55. Уч.-изд. л. 5,52. Тираж 1000. Заказ 92 Цена договорная.

Дагестанское книжное издательство
Министерства информации и печати РД.
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6

Типография им. С. М. Кирова
Министерства информации и печати РД.
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51

1500